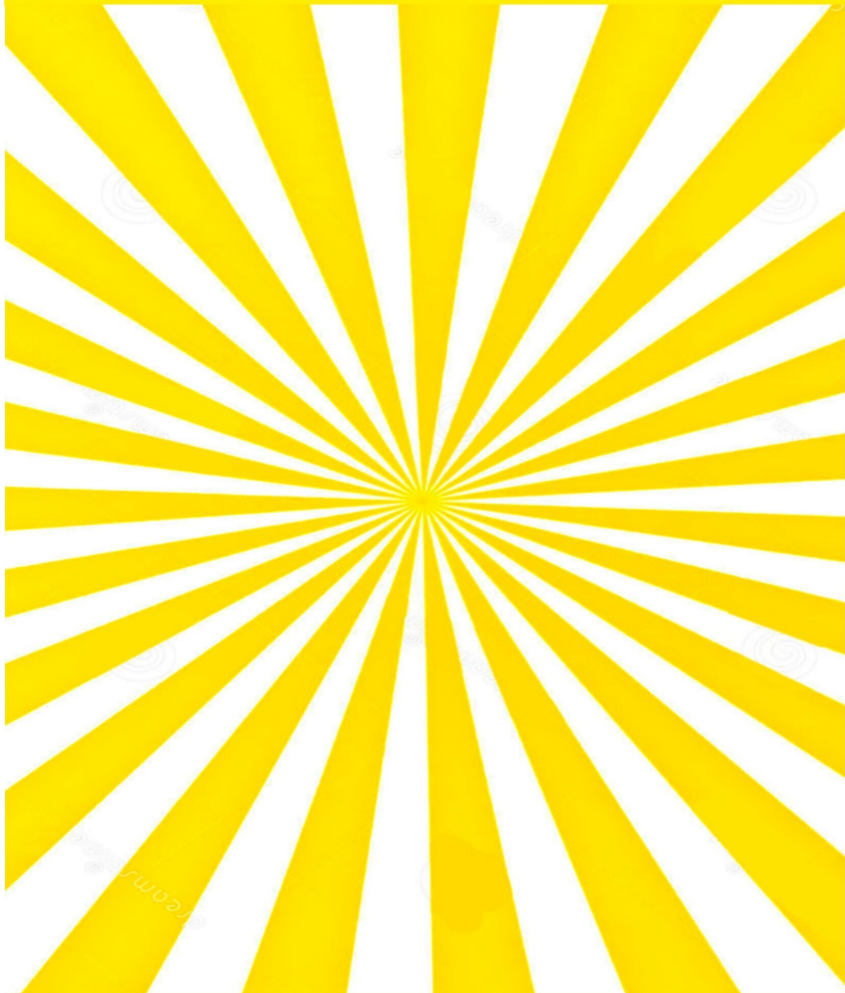


Д М И Т Р И Й А Н А Ш К И Н



МОЙ ДРУГ - ИНОПЛАНЕТЯНИН!

Дмитрий Владимирович Анашкин «Мой друг – инопланетянин!»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23688207

Аннотация

Станет ли жизнь интереснее, если у тебя появился друг – инопланетянин? Еще как!

Дмитрий – самый обыкновенный бизнесмен, но благодаря крепкой межпланетной дружбе... оказался на Луне, в теле первого американского астронавта. Затем на пару дней превратился в Ленина, проехался в запломбированном вагоне – из Германии в Петербург; посетил Тот Свет и сыграл на гитаре с Джимми Хендриком.

Теперь Дима летает над городом в черном БМВ, а в минуты отдыха учится стрелять из бластера. Он приступает к съемкам фильма о питерских беспризорниках, но режиссер, приехавший из Швеции, оказывается нелегалом-андроидом, узурпировавшим тело иностранца...

Вся эта увлекательная история происходит на улицах, помойках и чердаках Питера в наше время... и затем плавно перемещается в Кабул – Дмитрий должен извлечь из астрала душу Усама Бен Ладена, скрывающегося там от американцев. Террорист соглашается выйти; ирреальные существа БЮ в ужасе – путь на Землю для них закрыт навсегда...

Межгалактический рэкет, инопланетные гости, живущие в телах иностранных туристов; жизнь во сне и на страницах книги, которая снится – все это нужно, чтобы попасть в мир, которого нет, и отнять у коварных Дзеков планету Регистратор. И спасти, наконец, наш мир от страшных, тотально непереносимых существ БЮ...

МОЙ ДРУГ – ИНОПЛАНЕТЯНИН!

Фантастика/детектив

Анашкин Д. В.

ЧАСТЬ I.

I. ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ЛУНЕ

И, наверное, можно было бы не начинать эту историю, если бы она не началась сама. Раздался звонок, я открыл дверь. За дверями стоял зеленый человечек с букетом роз. Выглядел он крайне живописно: кожа матово отливала в полутемном проеме двери отчего казалось что внутри у него что-то горит, но горит ненавязчиво, интеллигентно. Розы же затейливо рассыпали вокруг красные искорки. В ярком сочетании темно-зеленых стеблей и алых бутонов была какая-то сдержанная игривость.

«Да, со вкусом у него не очень, – подумал я, – или зеркала по дороге не было, чтобы посмотреть на себя со стороны».

Человечек приветливо улыбался, при этом я невольно отметил, что зубы у него тоже зеленые. «Наверное, пришелец, – испугался я. – Только зачем с цветами? Может, это оружие? Или еще что похуже? Почему смеется?!!»

«Здравствуйте, – проскрипел человечек. – Я иноплане-

тянин, прибыл из Галактики, известной у вас как Туманность Андромеды. От лица нашей планеты поздравляю вас с днем рождения. Желаю удачи, здоровья и счастья в личной жизни». – С этими словами он быстро протянул мне букет. Я взял цветы. Закрыв рот. Сделал шаг назад. «Захлопнуть дверь и звонить в милицию, – пронеслось в голове. – Нет, надо тянуть время и как-то дать знать на волю, – возразил я сам себе – На какую волю, идиот!?! Тихо, тихо, без паники!!!».

– Вы не знаете, как пройти в библиотеку? – спросил я неожиданно. («Господи, какая библиотека!?!») Цветы в моих руках, кажется, начали шевелиться. «Но раз спросил, то надо настаивать, – решил я, – иначе подумает, что тяну время, и тогда ВСЕ!!!».

Зеленый человечек смотрел преувеличенно внимательно, сделав брови (зеленые) домиком и чуть склонив голову набок. По всему было видно, что ему очень хочется помочь.

Тут мои мысли неожиданно приняли новое направление. Сегодня у меня действительно был день рождения, и совсем недавно ушел последний гость. «Стоп. Да это же шутка! – осенило меня. – Он же одет, как на маскарад. Конечно! Гидрокостюм для серфинга, пупырышки из пластилина! А цветы на батарейке с моторчиком. Да и вообще, если бы он по башке мне хотел дать, то давно бы уже это сделал».

Ко мне начал возвращался оптимизм.

«Значит, это мой друг. С ним надо выпить». – Закончил

я свою мысль.

Я молча перехватил цветы в одну руку а другой многозначительно показал вглубь квартиры. Человечек, не переставая улыбаться, нерешительно прошел за мной. Широким жестом я пригласил его за стол.

– Чем рады, – немногословно отметил я. Рады мы были недопитой бутылке «Абсолюта», трем кускам «Российского» сыра, недоеденной банке шпрот и двум бутылкам пива. Человечек, сохраняя дружелюбность, посмотрел, однако, на меня несколько вопросительно.

– Водка есть еще. – Я решил сразу поставить точки над «i». – В холодильнике.

Он осторожно присел на край кресла. Я налил по полной стопке. Выпили. Человечек несколько переменялся в лице – дружелюбное выражение сменилось на ошарашено-восхищенное. В моей же голове начало понемногу проясняться.

«Это меня друзья решили разыграть! Ну, блин, во дают! – Во мне проснулось, отчасти, даже восхищение. От неожиданного прозрения я выронил сигарету на лежащую у ног собаку. Запахло горелым. Я быстро, пока окурочек не успел прожечь шерсть, поднял его и сунул в пепельницу. Собака подняла голову и задумчиво понюхала воздух. «Собаками палеными пахнет, – подумала она.

– А вы с какой, простите, планеты к нам, так сказать, пожаловали? – начал я разговор как можно более непринужденно.

– 7ВХ, – голос пришельца несколько изменился. Он еще не оправился от принятой водки.

– И какая там у вас погода? А то у нас, знаете ли, все дожди. Грустно как-то. И не лето прямо, а так, видимость... – Я решил прикалываться по полной.

– Погода? – он, кажется, был в легком недоумении. – И у нас дожди. Свинцовые. Уже лет пять как. А что?

– А то!! – с энтузиазмом отреагировал я. – Наконец-то мне попался человек, который мне конкретно рассказал, что где-то погода еще хуже, чем у нас в Питере бывает. Дожди! – патетически воскликнул я. – Свинцовые!!! Да это же просто прелесть! – я вошел в роль. Его прикол со свинцовыми дождями мне очень понравился. – За это надо выпить! – Я быстро налил еще по рюмке, протянул человечку. «Пришелец» нерешительно взял стопку. При этом мне удалось поподробнее рассмотреть его руку – сделано было здорово. Каждая вена, каждая жилочка тщательно прорисованы. Даже пара бородавок приклеено. Прелесть.

Выпили. После второй гость начал похрюкивать и широко открывать рот. «Ни фига, да у него и зубы, и язык – все зеленое! Вот это технологии: ведь это какие краски должны быть, чтобы рот изнутри перекрасить и так бодриться! – у меня шевельнулась тень сомнения. «Ну... да за границей еще и не такое придумают», – всплыло в голове привычное объяснение «для всего», и я успокоился.

Мы добились «Абсолют» и я уже было двинулся за второй

бутылкой, как человек вдруг посерьезнел и, как-то тяжело вздохнув, сказал:

– Вы знаете, у меня кончаются силы. Я прошу вас рассмотреть мой вопрос по возможности быстрее. Иначе моя плоть аннигилирует. – Тут я заметил, что его кожа действительно стала какой-то пупырчатой, словно покрылась мурашками. Выглядел он довольно жалко. «Ага, – подумал я мстительно. – Плохо кожу прилепили! Отставать начала. Ну и как же теперь выкручиваться будем?»

– Давайте, давайте рассмотрим ваш вопрос, – ответил я добродушно. Было жутко интересно, что они придумали дальше. Единственно, что я не мог ещё уяснить – кто же сейчас передо мной сидит. Для подростка он слишком складно изъяснялся. Для взрослого – ростом не вышел. «Карлик! – Осенило меня. – Наняли карлика! Из цирка! Ну да, нормальные артисты в Новый год Дедами Морозами халтурят. А этот – инопланетчиком шабашит! В свободное, так сказать, от работы время».

– Вы понимаете, – начал карлик, – как я уже пояснил: я пришелец. С этим ясно, не будем повторяться.

– Не будем, – поддержал я его.

– И моя сегодняшняя оболочка есть не более чем энергетический кокон временного материального содержания. И его энергия уже на исходе. Другими словами, если рассмотреть проекцию астрального тела в условиях недетерминированных полей...

– Эээээ, стоп. – Я не был настроен выслушивать лекцию по физике. – К черту подробности. Переходите к сути дела.

– Вопрос заключается в следующем: не могли бы вы сдать мне в аренду ваше физическое тело? На крайне ограниченный срок и с возвратом...

– Конечно, – разрешил я, не раздумывая. Тема продолжала веселить. – Берите тело. Это вообще без проблем. Только предупреждаю: оно пьяное. Я за него не ручаюсь.

– Правда? – так, словно он не верил своим ушам, переспросил человечек. – Мне ненадолго. Я в миг управлюсь. Себе тело материализую и сразу ваше верну!

«Ну, гонит! – восхищенно подумал я. Тут тебе и пупырышкам объяснение, и вообще по жизни правильно себя ведет».

– Абсолютная правда. Подключайтесь сколько хотите. – Я мысленно представил сидящих у транслятора приятелей и добавил – Танцуют все!!!

– А я... а я, в свою очередь, хотел бы как-то скомпенсировать вашу... – он на секунду замялся. – Дать вам взамен какое-нибудь интересное, необычное переживание.

– Денег не надо, – слегка заплетающимся языком отказался я, решительно рубанув рукой воздух, – считайте это гуманитарной помощью. Инопланетным братьям по разуму.

– Нет, нет... Вы меня не так поняли. Денег у меня нет. Но все равно нам придется куда-то деть ваше астральное тело, пока я буду в вашем физическом. Ну, где бы вы очень хотели

побывать, но никак не удается?

– На Луне! – Не раздумывая, ответил я. – Очень на Луну хочется. С детства мечтаю.

– Не вопрос, – человечек, кажется, опасался каких-то других, более трудновыполнимых заданий. – Когда начнем?

– Да прямо сейчас! Только выпьем сперва. На посошок. – Я впал в легкую ажиотацию, пытаюсь вообразить, как будет выглядеть моя отправка на Луну.

Налили. Выпили. Человечку стало как-то уж совсем худо. Под его зелеными глазами легли темные тени, щеки ввалились. «Ничего, – подумал я злорадно. – Сейчас меня на Луну отправим, и можно гидрокостюм снимать. А там обсудим, кто над кем прикололся!»

– Поехали? – Полувопросительно резюмировал он.

– Поехали. – Согласился я.

В глазах потемнело, и я потерял сознание.

Я очнулся в тесном пространстве, прямо передо лицом – стекло. Пошевелил рукой, потом ногой. Движения были какими-то излишне размашистыми, словно мышцы вдруг стали гораздо сильнее, и теперь можно было тратить гораздо меньше усилий, чем прежде. Я осмотрелся. На мне был костюм вроде водолазного, но белого цвета. Через стекло шлема открывалась до боли знакомая панорама. Внутри все по-

холодело.

Я стоял на Луне. «Вау!» – подумал я и с испугом отметил, что мысли звучат по-английски. – «Вот э бьютифол Ворлд!». Мне вспомнилось, что единственными землянами, ступавшими на Луну, были американцы. Я еще раз пошевелил рукой. Все было исключительно правдоподобно. Тонко пискнула рация и через глухое шипение я услышал голос: «Нейл, прием, как дела? Вижу тебя в иллюминатор – классно смотришься! Доставай флаг, пора крепиться – по графику через семь минут обратно!»

«Они что, меня галлюциногеном напоили? Или... – страшная догадка пронзила меня. – Или что, это настоящий пришелец был?! И он меня теперь сюда... В американца зачихнул?!»

– ФАК! Фак-фак-фак!!! – в отличие от многих моих сверстников по институту я никогда не мечтал эмигрировать в Америку. Более того – подобная мода уже лет пять как прошла, и все молодое поколение, по крайней мере, те, кто родился в крупных городах, со скепсисом воспринимали тусклую западную жизнь – считать деньги, копить на отпуск, быть скромным, много работать, а в выходные заниматься благотворительностью. То ли дело у нас – никаких, блин, законов, на всю зарплату в лучший ресторан, часы за пять тысяч долларов, машина за сто, а квартиры нет. Зато есть самый лучший мобильник с самым длинным в мире номером и отпуск на Гавайях по горячей путевке!

Я как-то быстро поверил во вторую версию. Она все объясняла. И натуральность поведения, и безукоризненность внешнего вида. Я вдруг осознал весь идиотизм своего поведения. Да кто же это такой костюм изготовит, что с шага от живого не отличить! Это ж ведь и в Голливуде не сделают! А я – «перфоменс», «перфоменс»... Пить надо меньше. Только думать мне об этом теперь уже поздно. Космонавты не пьют.

Я шагал вперед, к какой-то интуитивно известной мне точке пространства.

«И что теперь? Ну, окажись я простым американцем, это еще полбеды. Поехал бы в Россию на стажировку, русский учить. Окучил бы какую-нибудь русскую дуру (а какая еще польстится на американца), женился бы – а там и до вида на жительство в России недалеко. А теперь? Я же, блин, космонавт! Да кто ж меня из Америки отпустит!?»

– Нейл, на связи Эдвин. Ты чего тормозишь? – снова заскрипела рация – Скажи что-нибудь! Тебя ж снимают, русские потом запилят: «первый американский космонавт обкурился перед выходом на поверхность»... Или скажут, что мы вообще никуда не летали... потому что «движения космонавта на лунной поверхности лишены физиологической достоверности». Хрюкнув, переговорное замолчало.

Делать было нечего. Я поднял руки над головой и патетически произнес:

– That's one small step for man; one giant leap for mankind. Good luck, Mr. Polansky! – «Во по-английски шпарю! – Про-

неслось в голове. – Ну, хоть язык учить не придется».

– Теперь флаг крепи! – продолжал раздавать указания Эдвин.

Я отвязал флаг от скафандра, уныло воткнул в песок.

– По бокам подсыпь, камешек там привали, чтоб покрепче стоял! – жизнерадостно прогундосил переговорник.

Привалив камешек, я поплелся к кораблю. От расстрой-ства я даже не смотрел по сторонам – открывшаяся перспек-тива навсегда остаться американским космонавтом силь-но перевешивала радость человека, впервые ступившего на лунную поверхность.

Ходить, кстати, было трудно. Из-за уменьшенной силы тя-жести каждый шаг превращался в затяжной прыжок. Что, ес-ли честно, сильно раздражало, потому что меня продолжал терзать тяжелый мыслительный процесс.

«... А материальный вопрос – тоже не последнее дело... Работа, жена, дети – все, блин, коту под хвост! Этот же аме-риканец, когда полетел, совсем старый был, черт его возьми! Ребенка его, конечно, придется воспитывать. А с женой-то, что делать? Она же еще и американка! Что мне делать с пре-старелой американкой?!.. А живет, наверняка, в дощатом до-мике, где-нибудь в деревне... Американская мечта, блин...»

Тут меня пронзила догадка еще страшней: – «Какой до-мик!? Ведь он же военный! То есть мне и домик не светит. Живет на какой-нибудь засекреченной базе... то есть в об-щяге. Культурной жизни ноль. Развлечений ноль. Ну и ну...»

Я молча подошел к модулю, залез по лесенке на площадку, открыл шлюз и занял свое место рядом с пилотом.

Засветилось зеленое табло на пульте управления. Зазвучал зуммер. Эдвин встрепенулся.

– Разгерметизация, – подал он голос. – Вот некстати! Пятиминутная готовность и – разгерметизация! Придется снова выходить на поверхность. Первый, первый, – он наклонился над микрофоном – Майкл, вызывает Аполло, на связи Эдвин Олдрин. У нас разгерметизация. Подтверди выход за борт.

– Выход за борт подтверждаю, – донеслось издалека.

– Приготовить аварийный скафандр! – басом скомандовал Эдвин.

– Есть приготовить, – двигая бровями, ответил я и бросился распутывать какой-то серый мешок, закрепленный прямо над моей головой.

Захрипел динамик – «Первый, говорит второй, прием! Воздуха осталось на десять минут, предпринимаю все возможное. Доложите показания приборов».

– 25– 74– 68, – тревожным голосом ответил я. И зачем-то добавил – 94!

– Норма, – облегченно ответил приемник. – Включай подготовительную.

Я сдвинул большой циферблат, расположенный посредине пульта управления на два деления влево. Нажал красную кнопку, затем желтую, сдвинул три тумблера вверх и посмот-

рел на потолок. Загорелся синий циферблат.

– Норма, – ответил я.

– Жди через 7 минут, – заметно потеплевшим голосом проскрипел динамик. – Слава Богу.

«Видимо ситуация и правда была критической», – вяло подумал я. Семь минут. Время... «Что ?!! Время? Ведь эти гады на Луну-то когда летали?! Да ведь тогда я еще не родился! То есть... Зеленый подставил меня еще и на время! То есть по приезду мне придется обращаться не в ФСБ. Его же, получается, еще нет... в КГБ! Или самому товарищу Брежневу письмо писать».

«Товарищ Брежнев! Через несколько лет родится Дмитрий, который полетит на Луну вместо американцев, так что извините, что он поставил там американский флаг. А так, все нормально. Вы так нашим и передайте: на Луну-то первыми русские высадились! А в остальном – все ничего, живу я хорошо, здоровье наше хорошее...»

Раздался скрип входного шлюза и моему взору предстал Эдвин – весь перепачканный лунной пылью, со счастливой улыбкой на лице. Видимо, он совершил подвиг. И Америка этого не забудет. По протоколу я должен был следить за каждым его движением по монитору, и, в случае непредвиденной ситуации подстраховывать. Монитор, вследствие душевного дисбаланса, я включить забыл...

– Трогаем – скомандовал напарник, и я двинул рычаг управления на себя. Кабина дернулась, ее очертания размы-

лись, меня вжало в кресло, перед глазами поплыли круги...

Я открыл глаза и сразу же их закрыл.

– Не может быть! – пронеслась мысль. Зеленый...

Что-то мокрое ткнулось мне в руку. Я осторожно открыл левый глаз. Ничего не изменилось. Я лежал на кровати в своей питерской квартире, и моя черно-белая беспородная сука по кличке Фима лизала мне руку.

Троллейбус остановился, из него вышел галантный молодой человек лет двадцати пяти. В левой руке он держал книгу. Одним глазом он смотрел в нее, а другим внимательно наблюдал за окружающим. Понятно, что такое поведение привлекало внимание людей, тем более, что он был одет в довольно странный костюм – что-то совершенно доисторическое. Ну, по крайней мере, дореволюционное. Отливающий синим котелок, френч французского покроя и трость. Конечно, народу было не привыкать. Вокруг полно выставок восковых фигур, там даже цари как живые... опять же Зоологический музей чего стоит – рыба, которой 400 миллионов лет! Не говоря уж о мамонтах, которых там из костей понастроили. Да и вообще – на физфаке университета учат, что внутри шкафа для туалетной бумаги электроны вокруг атомов крутятся. Есть над чем задуматься.

А тут человек в котелке ходит, глазом косит. Вообще не

проблема.

Он плавно зашел в вестибюль отеля «Редиссон – Палас» и спросил:

– Учтивые господа, не соизволите ли дать рабу божьему люкс номер 1313?

Как говорил классик: «Все смешалось в доме Облонских». Этот номер был пожизненно зарезервирован олигархом с лондонской пропиской Б. Беризоновским. Видимо, однажды зарезервировав его, он про него сразу и забыл. Но персонал помнил, и, вследствие своевременной оплаты данного номера, вообще не парился на данную тему.

– Номер занят!– с некоторой тенью злорадства ответил метрдотель.

– Занят? – тихо спросил господин в котелке – так пусть освободят.

С тех пор никто и никогда не мог вспомнить – кто же это был – и был ли вообще на свете такой человечек – Беризоновский.

Я встал с постели. Закрыв глаза. Открыл. Сел. Встал. Еще раз сел. Ничего не менялось. Попытался еще раз сесть. Не получилось – уже сижу – куда еще садиться-то.

В голову полезли мрачные мысли. Встряхнул головой и три раза присел. Облился холодной водой. Помыл грушу мы-

лом. Съел грушу. Груша пахла мылом...

– Приснилось, – с облегчением подумал я. – Точно приснилось. Приснится же такое! Надо меньше пить. – Блин, а ужас-то был какой! Реально надо нервы беречь. Зеленые человечки, розы какие – то... Луна, блин, опять же. Страшно было. Реально страшно. Надо, кстати, в Интернете почитать – как там на самом деле было. Какие-то там Нейлы – Эдвины. Летали ли они вообще куда-нибудь?

А на самом деле – я был рад!!!! Я был счастлив!

Я встал с постели, пнул собаку и вышел в гостиную. На столе лежал букет роз и записка.

«Так, – подумал я. – Что же было вчера? Жена с ребенком на даче. А я-то что делал? Ну... по крайней мере, я не на Луне. Это уже обнадеживает».

Я взял записку и стал читать:

«Милостивый государь! Решился Вас все же покинуть. Путешествие обещало быть интересным. Не смел торопить. Запрограммировал час. Знаю – мало. Но – пока привыкаю – вынужден экономить энергию. В случае надобности ищите в отеле «Рэдиссон Палас», номер 1313. Пьер Безухов.

Искренне Ваш ХZW33-5.

P.S. Не обессудьте, одолжил у Вас книгу – «Воина и мир». Крайне увлекся чтением. Верну пренебреженно.

П.

Я сидел в своем офисе на Невском проспекте и думал. Размышления мои прервал телефонный звонок.

– Хелло! – радостный голос в трубке не обещал спокойного продолжения дня. – Дорогой Дими! Как дела? – это были мои самые важные партнеры – «Всемирный фонд». Основателем фонда являлся сам король Иордании. С его Величеством я был знаком лично и весьма близко, чем гордился неимоверно. Звонила же их генеральный секретарь Ванесса Стенкенз.

– Дела супер!!– ответил я, подумав, что о том, как мои дела, буду знать только после этого телефонного разговора.

– Дими, мы проводим рекламную акцию и хотим попросить об одолжении. В Петербург едут шведские журналисты. Они хотят снять репортаж о жизни несчастных уличных детей. Вернее девушек. А лучше девочек. Не могли бы Вы им капельку помочь? Речь идет о малости – их нужно где-то разместить, организовать транспорт и переводчиков. Ну и все остальное, что понадобится по ходу дела. Например, набрать команду девочек, которых мы могли бы одеть в грязную одежду и сделать фотографии. Потом все это мы разместим на больших плакатах и повесим в самых видных местах Стокгольма. Как тебе нравится идея?

– Супер, – жизнерадостно ответил я и подумал, что дела

мои «супер» быть только что перестали. – А зачем это все?

– Так мы сделаем себе рекламу – на фото будет написано, что мы помогаем бедным русским девочкам.

– Вау! – восторженно вскрикнул я, решив про себя, что трудно придумать более идиотскую затею.

– Ну, значит, решили – даем твой телефон журналистам, и они тебе позвонят. Огромное спасибо, Димми, мы в тебя верим! До связи.

Все случившееся (приснившееся?) сегодня ночью не давало мне покоя. В историю с пришельцем я не верил, но мне решительно не нравились найденные утром записка и цветы. Яркость и детальность воспоминаний наводили на мысль, что я нажрался каких-то галлюциногенных грибов. Учтывая, что до этого я никогда ничего подобного не пробовал, происшедшее вызвало у меня серьезные опасения...

Я налил стакан зеленого чая и полез в Интернет.

«Так, – размышлял я, – перво-наперво – кто там в космос-то летал? Сейчас проверим...» – Я набрал в поисковике «первый человек на Луне». Появился ряд ссылок, среди которых я выбрал одну:

«21 июля 1969 года в 3 часа 56 минут по среднеевропейскому времени Нейл Армстронг ступил на лунную поверхность, и затаившие дыхание земляне услышали его голос:

*–That's one small step for man; one giant leap for mankind. Good luck, Mr. Polansky!**

*Это маленький шаг для человека и гигантский прыжок для человечества. Желаю удачи, мистер Полански!

За пафосом события на последнюю часть выступления никто не обратил внимания. Однако к Луне летали только трое: командир Apollo-11 Нейл Армстронг, командир командного модуля Майкл Коллинз, оставшийся на лунной орбите, и пилот посадочного модуля Эдвин Олдрин – НИКАКОГО ПОЛАНСКИ НА БОРТУ НЕ БЫЛО!

Армстронг долго отказывался объяснить, что он имел в виду в тот памятный миг, и лишь спустя много лет раскрыл тайну. Он был еще пацаном, когда однажды услышал из окна, как их соседка, миссис Полански, говорит своему мужу: “Дорогой, а вот оральный секс ты получишь только тогда, когда соседский мальчишка прогуляется по Луне...”

Удачи, мистер Полански!»

Я впал в ступор.

Наесться галлюциногенных грибов – это было одно. А оказаться первым человеком на Луне – нечто совершенно другое. Причем непонятно ничего. Кому это нужно? Зачем? Что за этим последует? Мне-то теперь, в конце концов, что делать? И надо ли что-то делать? Так уж устроен человек – неизвестность его пугает. Я решил действовать. Набрал секретаря.

– Маша, гостиница «Рэдиссон – Палас». Комната 1313. Мне нужен номер телефона и имя проживающего. Срочно.

Думать о журналистах я уже не мог. В конце концов, по-

звонят, там и прояснится. Настроение заметно падало. Прозвенел зуммер, я взял трубку.

– В номере 1313 проживает господин Пьер Безухов. Телефон...

Я записал. Покрутил в руке карандаш. Рука заметно дрожала. – «Надо звонить. Хорошо если он в номере, а то придется еще неизвестно сколько мучиться, пока не вернется».

Мучиться мне не хотелось. Заметно волнуясь я набрал номер.

– Алло? Вас слушают. – Ответил хорошо поставленный голос. – Петр Безухов слушает.

– Э, говорит, ваш вчерашний собеседник. Дмитрий. Ну, которого Вы с днем рождением поздравляли, – я решил пойти ва-банк.

– А, Димочка, как любезно, что Вы позвонили. Рад, весьма рад. Как Вам на Луне? Надеюсь, подарок удался?

Я не знал, что ответить. Моей первой мыслью было – поблагодарить за подарок и распрощаться. Но это ничего не проясняло. Мучиться догадками всю оставшуюся жизнь не хотелось. Я собрался с силами и спросил:

– Э... а может, нам встретиться? У меня есть ряд вопросов. – Не очень любезным тоном закончил я фразу.

– Конечно, конечно! – голос Петра был не в пример моему приветлив. – Предлагаю прямо сейчас. Здесь есть ресторан, перекусим чего-нибудь и поговорим. Идет?

– Идет-то, идет. Только у меня денег столько нет, в Рэдис-

соне перекусывать. – Промотать за вечер штуку баксов в мои планы не входило ни при каком раскладе. Даже если это будет банкет в честь того, что я – первый русский, ступивший на лунную поверхность.

– Что вы, о деньгах забудьте. Деньги – это бумага. А Вашей планете пока не угрожает полная потеря древесных пород. Следовательно с бумагой, в конечном итоге, все будет в порядке. То есть и с деньгами у нас в ближайшем будущем проблем возникнуть не должно. В общем, я вас приглашаю.

Из всего вышесказанного я понял конкретно только последнюю фразу. И хотя было обидно питаться за счет какого-то там инопланетянина (мы что, хуже что ли? на нашей собственной планете за наши деньги нашей же едой кормит и т. д.) – дело в конечном итоге сейчас было не в еде, а в ее содержании. Вернее, в содержании беседы.

Я вышел из офиса. Через пятнадцать минут мы уже уютно располагались в мягких креслах ресторана под огромной золоченой люстрой. Выглядел он теперь совершенно нормально, хоть и одет был странно – в старом что ли стиле...

Люстра же мне внушала опасения – я слышал, в одном из театров такая упала прямо в публику. Было много раненых и просто испугавшихся.

– Не упадет, – прочитал мои мысли Петр. – Но если хотите, пересядем. Однако там, у окна, будет дуть... У стенки же сейчас тихо – но через полчаса туда прибудет компания, отнюдь не монплеzir: три дамы и двое горячих финских пар-

ней – сами понимаете.

– Ладно, ладно, – впечатленный его предусмотрительностью, согласился я. – Нормально сидим.

Я смотрел на него настороженно. Вчерашняя презентация оставила у меня не лучшие воспоминания.

– Так что ж? Закажем?

Мы вооружились услужливо поднесенными меню и винными картами.

Я плохо разбирался в кулинарных изысках, да и, если честно, к еде был довольно равнодушен. Поэтому, с тем чтобы обезопасить себя от неприятных сюрпризов, везде заказывал одно и то же. Таким образом, я хорошо изучил, как выглядит картошка с грибами, соленые огурчики и сто грамм водки в русском, украинском, китайском, японском, индийском, греческом, французском и даже в немецком исполнении. Шведского варианта попробовать не удалось ввиду невозможности таковой разыскать.

– Мне, дорогой, пожалуй, сегодня все белое. Хочется легкости в мыслях – слегка растягивая слова, начал Петр, обращаясь к официанту. – Белое сухое вино, астраханской белорыбицы холодного копчения, белых грибов, устриц с лимоном, белый виноград и сливочный пломбирчик на десерт. И, пожалуй, сделаем исключение – икорки с теплым калачом – под водочку. Ну а вы-с? – Петр вопросительно повернулся ко мне.

– Картошку с грибами, огурцы и сто водки... Во льду. –

Добавил я мрачно.

Официант почтительно кивнул Петру и скрылся.

– Откуда это у Вас? – спросил я довольно неприятливо. – Еще вчера зеленый в пупырышках были, а сегодня – «белорыбица, пломбирчик...»

– Из книг, – коротко ответил собеседник. – Читаю я быстро, к тому же мне не нужно читать всю книгу. Достаточно уловить энергитическо-смысловую матрицу произведения, и дело сделано. Ну, как бы это попроще объяснить... ведь книгу кто-то написал? Значит, по крайней мере, один человек знает содержание. А если её кто-то читал – так тогда и вообще просто! Значит, уже несколько человек знают что в ней написано. Я же, прочитав часть, выбираю любого из них, и, подключившись, копирую из его сознания содержание. А затем могу манипулировать этой информацией, меняя свой облик и манеру речи.

– А что ж Вы вчера такой зеленый-то были, – не унимался я. – Фантастики, что ли, начитались?

– Так Вы еще до сих пор ничего не поняли?!

– Чего? – не понял я. – Чего я не понял?

– Да я же вчера на вашей планете в первый раз проявился! Да если б ты со мной не поговорил – я тут и остаться бы не смог! Мне нужен был первый контакт. Первая матрица. А от меня все на улице шарахались. Время уходило – энергия была почти на нуле. Если честно, я уже обратно собирался. И никогда бы уже к вам не попал. Телепортация на таких боль-

ших расстояниях – вещь вероятностная. Да я даже координат ваших не знаю! А если б и знал – это как из рогатки по комарам... Снова сюда вернуться – вероятность почти ноль. В общем, я тебя из последних сил на Луну, в тело этого, как его... Армстронга! А сам – тобой стал.

– Так я и думал, – помрачнел я еще больше.

– Да ты не думай, я же знал, что ты там недолго пробудешь – сразу Толстого читать начал, специально, чтоб тебя с Луны забрать. Пошла энергия, я сразу восстановился и стал Пьером Безуховым. Толстого столько народу читало, там матрица такая накачанная, чуть с энергией не переборщил.

– И что бы было, если б переборщил?

– Сразу двумя людьми бы стал. Или тремя. И это было бы неприятно.

– Почему?

– Им потом трудно было бы договориться, кто из них я. Каждый бы на себя одеяло тянул. В общем, до драки дойти могло. Но, слава богу, вовремя сообразил, остановился. Давай-ка, хлопнем! – неожиданно подытожил он.

В это время прибыла белорыбица со светлыми прожилками жирка и калачи. Калачи были теплыми, водочка потела в граненом графине.

Петр молча налил две стопки, намазал на калач маслица, положил сверху икорки.

– Да вы угощайтесь, Дмитрий Владимирович, вы же мой крестный теперь. По гроб жизни благодарен.

Я тоже сделал бутерброд. Мы молча посмотрели друг другу в глаза и опрокинули стопки. Тепло разлилось по телу, атмосфера стала дружелюбнее.

– А мне здесь нравится. Я, собственно, ничего не имею против своего мира но...

Я живу в ячейке X5 мира BMW– 938. Хожу в магазин GUCHI-77. Ем еду от FERRARI. Да что там! У меня жена – SHIFFER-2525! Плакать хочется... Честно... А здесь – тут его увлажнившиеся глаза обратились на муху за окном – здесь все живое! Настоящее! Девушки по улицам с голыми ногами ходят. Книги настоящие пишу...

Здесь я не удержался и с сарказмом вставил:

– Ну, ты за всю-то Землю не говори. Съезди в Германию. Никаких девушек с голыми ногами. Все как одна – в штанах!

– Да я не о том, милостивый государь, – он возразил как-то чрезмерно патетически, и я с опаской покосился на торчащий из его сумки томик Достоевского. Очень уж мне не понравилось, что он в разговоре опять на старом стиле перешел.

– Например, книга у вас такая есть – «Духлесс»! – Я с облегчением вздохнул. – Какая откровенность! Какая честность! Люди духлесс пишут о людях духлесс книгу духлесс! И что важно – искренне, и верят, и прутся, что они духлесс по жизни... У нас так нельзя... – его глаза оторвались от мухи и стали пронзительными: начала действовать водка.

– Ну, давай еще по одной, – перебил сам себя Петр. – На-

ливай!

Я налил по пятьдесят из холодного, запотевшего графинчика, намазал маслица на теплый калач. Масло начало вкусно таять. Я придавил его изрядной порцией икорки. Петр взял маринованный огурчик, игриво блеснувший в свете хрустальных люстр, и, глядя на него, на минуту задумался. Его лицо стало огорченным – словно он то ли вспомнил что-то грустное, то ли знал что-то этакое, невеселое о своем будущем;

– Ну, вздрогнем! – он тряхнул головой, как бы отгоняя непрошенные мысли.

Мы выпили. Поставили рюмки на стол. Петр посмотрел на меня строгим взглядом.

– В общем, я решил остаться, – неожиданно подытожил он. – Здесь. На Земле. В Петербурге!

В этот момент в зал ресторана ввалилась теплая компания из пяти человек: двое мужчин и три девушки.

«Русский барышень – самый лучший, мы с Огго Мякином знаем!» – заплетающимся языком но с непоколебимой уверенностью твердил один из мужчин. Огго, видимо, также хотел говорить комплименты, но все его внимание было сконцентрировано на передвижении ног. Поэтому он только открывал и закрывал рот, как бы каждый раз начиная что-то важное, но, в последний момент передумывая. Обоих под руки тащили решительные, глубоко-декольтированные

девицы. Проходя мимо нашего столика, одна из них бросила другой: «Зинка, подтаскиваем их туда, к стене, подальше от метрдотеля, а то опять максать придется». Атмосфера обещала быть теплой.

II. ИНОПЛАНЕТЯНИН В ЗАКОНЕ

В общем, тот вечер у нас удался. Мы с Петром подружались и часто созванивались. Пару раз пили пиво в клубе «Дача». Там он так удачно косил под иностранца, что все девушки были от него в восторге (иностранец – не студент и не старый – редкая находка для «дачной» девушки). А в целом, он жил своей жизнью и хлопот особых не доставлял. Я же целиком окунулся в организацию журналистского проекта.

Дело, однако, не клеилось с самого начала. Начались неприятности с телефонного звонка...

В тот момент я выгуливал собаку в Таврическом саду и не ждал от жизни никаких подвохов – зазвенел телефон.

– Хэлло, Димми, это Йорг! – каждое слово звенело радостно натянутой струной жизнелюбия и уверенности. – Мне дали ваш телефон во Всемирном Фонде! Это по поводу рекламной кампании!

В принципе, мы много работали с журналистами, фотографами и телевизионщиками. Без этого было бы невозможно собирать средства на наши проекты. Однако, при всей радужной перспективе получения денег, способы их добычи не

всегда меня радовали.

– Мы много про тебя слышали, и готовы во всем на тебя положиться! – продолжал орать Йорг. – Ну, там, выбор девочек и прочее. Мы планируем делать уличный кастинг! – радостно сообщил он. – Как ты думаешь, мы сможем устроить фотосессию прямо у вас в офисе? И еще. Мы все-таки работаем для гуманитарной организации. Мы, конечно, оденем девочек в рваную одежду, но у нас есть еще одна идея!

– Еще одна? – спросил я упавшим голосом. Их идеи переставали мне нравиться сразу по мере их поступления.

– Да! Нам нужен мужчина.

– Еще и мужчина?

– Именно! Который совершает над девочками насилие! – Радость в его голосе стала переходить в неподдельный восторг.

– А зачем? – тупо спросил я.

– Чтобы их было жалко!

– Кому?

– Тем, кто затем пожертвует деньги Всемирному Фонду!

– Почему? – однообразие моих вопросов его несколько не смущала.

– Потому что они несчастные, бедные девочки!

– И так все плохо, так еще и насилие...

Мое последнее скептическое замечание он воспринял как признак начинающегося понимания:

– Так как ты думаешь? Где мы возьмем мужчину? – голос

приобрел деловой оттенок.

– Какого мужчину? – от расстройтва я стал терять нить разговора и пошел по второму кругу.

– Ну, того, насильника. Нет, конечно, на фото не будет сцен насилия, но это будет «как бы насилие», оно будет витать в воздухе! Вся атмосфера будет проникнута какой-то тревожной угрозой. Я вижу! – внезапно вскричал Йорг, как раненный поросенок. – Да, да! Он нависает над ней с хмуро сведенными, насупленными бровями, а она, она... Маленькая и жалкая, жметя к стене, невинно потупив глаза, выражающие...

– Если потупив, – перебил я, – то глаз не будет видно. Где взять мужика, я не знаю. И еще: у меня батарейка в телефоне садится. До свидания, – стараясь свернуть тему, мрачно произнес я.

Трагическая безысходность моего голоса подействовала на Йорга неожиданно.

– У меня есть идея! – это, видимо, была совсем новая. – Может быть... – он как бы сам немного не доверял своему озарению, но внезапно набрался храбрости и выпалил – может быть, этим мужчиной будешь ты?!

– Я??! !

– В общем так, – голос его снова стал деловым, – нам нужно время, чтобы все обдумать. Дай нам знать, что ты решишь, и какие у тебя есть идеи. Созвонимся на днях. Мы в тебя верим!

Он повесил трубку. За время разговора собака успела три раза обмотаться поводком вокруг столба, и теперь, обездвиженная, смотрела на меня жалобными глазами. Размотаться самой у нее ума не хватало.

Я сел на скамейку. Покрутил в руках телефон. Настроение стремительно ухудшалось.

От всех этих журналистских идей я впал в проstration и решил позвонить Петру. У него был редкостно аналитический склад мышления и он, несомненно, мог бы увидеть ситуацию с другой, неожиданной стороны.

Я набрал его мобильный номер.

– Лельло – голос несомненно принадлежал Петру, но интонации были странноватыми.

– Петя? Слушай, у меня тут журналисты какие-то сомнительные приезжают. Посоветоваться бы надо. Если время есть – могу в отель к тебе подъехать.

– Не... В отель не надо... Съехал я..., не понтово, по понятиям, в отеле жить. Теперь на «Ваське» у кореша чалюсь. Косой кличут. Он неделю как откинулся. Бухаем втроем – с нами лярва его – Ленка Перелетчица. Она банкует. Приезжай, в натуре, если время есть. Перетрем, что с твоими журналистами делать. Васька, семнадцать, тридцать три, тринадцать – он довольно заржал. Покалякаем, водочки мальчика

хряпнем!

Я посмотрел на набранный телефон. Он был правильным.

– Петр, это ты? – терзаемый страшной догадкой, осторожно спросил я – Ты что в последнее время читал-то?

– Читал чисто конкретную литературу! – радостным голосом сообщил инопланетянин. – В ларьке купил! «Зона в зоне» называется. Типа, из серии «Мертвецы в мертвецах»! Мне кореша говорят: «Все конкретно, никакого базара. С чтением, типа, завязывай, больше книг не покупай. Теперь все знаешь!»

– Какие кореша, Петя? – вкрадчиво спросил я.

– Ну, с первым я у пивного ларька познакомился. Решил кружечку-другую дернуть, а он там типа, тоже, понтовался. Я подруливаю: «У вас, говорю, для хорошего человека сигары не найдется?» А он – спокойно так: «Конечно, говорит, есть сигары. Пошли, – говорит, – на хату, там фабрика сигарная; Куба, типа, отдыхает, как все ништяк!»

(«Хотел напоить и ограбить», – мысленно прокомментировал я.)

– Ну, пришли к нему, выпили. После второй у Косого голова как-то набекрень сделалась и глаза очень удивленные стали. – Петр довольно хохотнул. – Может подействовало, что я ничего в руки не брал – помнишь, как у Гоголя, галушки сами в рот летали? – Ну а я так водку пил. Чтоб не париться, молекулярный обмен включал. То есть, для него это, видимо, странно выглядело.

– Выглядело, – только и нашелся сказать я. – И что дальше?

– А дальше – «Ты, – говорит, – и людей так по воздуху кидать можешь»?

– Ну, конечно, хоть города! – Отвечаю.

– Города не надо, – ответил Косой. – Друзья у меня на Зоне чалятся. Хорошо бы их откинуть, внепланово. («То есть из тюрьмы вытащить», – перевел я).

Ну, я их и откинул – делов-то. Телепортация на короткие расстояния, особенно людей – вообще не проблема – у нас этому в первом классе учат.

– И много ты их уже откинул? – понимая, что дело пахнет жареным и переставая торопиться на встречу с Петром, задумчиво спросил я.

– Да человек пятьдесят за неделю. Да не парься, братан! Они все конкретные пацаны, в обиду не дадут! Зуб даю, век воли не видать! – закончил он оптимистически.

Единственный вывод, который я сделал из разговора, – торопиться мне действительно теперь некуда. Здоровье наше хорошее, живем мы тоже хорошо. Пока... пока я не попытаюсь спасти молодого, подающего надежды инопланетянина, ставшего для урок инструментом для вытаскивания своих с зоны. Причем, без всяких для них последствий. В этом я был просто уверен. Все сопутствующие бумаги, касающиеся перемещаемых граждан, воспоминания сокамерников и

тюремного персонала корректировались автоматически. Поэтому никто их даже искать не будет. Петр управлял не материей, а реальностью – а это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

– «...эта жидкость для снятия лака пользовалась огромной популярностью у москвичек. По всем документам она была произведена во Франции. На самом же деле было установлено, что данная парфюмерия на девяносто девять процентов состоит из паркетного лака с добавлением красителей. А производилась она в квартире, на которой жили и работали нелегальные иммигранты. Организовали производство два гражданина из Саудовской Аравии.

С рынком поддельной косметики может соперничать только рынок поддельных медикаментов. В зловонных подвалах, в строительных ангарах, месяцами немытые, полуголодные нелегальные иммигранты грязными руками в антисанитарных условиях, не придерживаясь никакой технологии и стандартов, производят так называемую импортную косметику...»

Я выключил радио и посмотрел в окно машины. Рядом со мной двигалась маленькая иностранная машинка зеленого цвета, периодически стараясь меня подрезать. За рулем сидела коротко стриженная брюнетка в черных очках, несмотря

на дождливую погоду. «Да она же в них ничего не видит... Интересно, и давно она так? – вяло подумал я. – Пустить что ли, а то придавлю еще ненароком. Если бы случайно не выгнул из окна вниз, так и не знал бы, что она тут «соревнуется»...». Я вжал педаль в пол, джип утробно рыкнул, и беспомощно прыгающая из ряда в ряд машинка превратилась в зеркале заднего вида в точку.

«Так, – думал я дальше. – Так. Передать ему книгу! Любую. Пусть лучше по Невскому в смокинге ходит. Фигня. Милиция задержит – так он, если надо, и милицию отменит. За ним не заржавеет. Потом уговорю назад вернуть – никто и не заметит. Но как передать-то!? Его, небось, день и ночь пасут! Это ему только кажется, что он с корешами водку квасит. А там все уже давно оцеплено – кадр ценный до невозможности! И то, что я ему позвонил, было, бесспорно, их ошибкой. И поговорить дали специально, чтоб выяснить степень моей информированности. А информированность моя такая, что, выражаясь на их жаргоне, надо бы меня пришить. Времени нет, – понял я. – Хорошо еще, что жена с ребенком на даче...»

Рука сама крутанула баранку, и я понесся в сторону дома.

Из дома тридцать три по семнадцатой линии Васильевского острова вышел бомж. Он осторожно поставил полиэти-

леновый пакет с мусором в бачок и огляделся вокруг. Было тихо. Он быстро сунул руку вглубь бачка, видимо, в надежде найти изумруд – есть такая поэтическая черта у лиц без определенного места жительства – в любом бачке им чудятся сокровища. Впрочем, этот выглядевший бомжем потрепанный молодой человек искал не изумруд. Он искал книгу. «Ну, хоть бы что-нибудь найти, – пробормотал он, – не могу, как читать хочется....» Тихо запахнул ватник и пошел назад, в подъезд, из которого он только что вышел. За ним наблюдали. Но препятствовать не торопились. О бомже были предупреждены все. Мусорные бачки проверялись каждые полчаса. Все найденные книги и обрывки газет изымались немедленно.

Утром я отправился в администрацию Василеостровского района. Потратив немалые деньги на взятку, мне за час удалось получить копию плана того самого этажа, на котором находилась квартира тринадцать, в доме номер тридцать три по семнадцатой линии Васильевского острова. Внимательно изучив его, я нашел несколько печных каналов, сохранившихся еще с дореволюционных времен. Вероятность, что печи уцелели, была велика – там, где это было не особенно надо, ГИОП внимательно следил за сохранением культурного наследия. К тому же, разрушить стопудовую печь стои-

ло столько денег, что никакому здравомыслящему человеку это просто не пришло бы в голову. Значит, печи стоят.

У меня появился шанс.

Заскочив на минуту домой я переоделся и уже без машины отправился «на дело». Оделся по возможности универсально: спортивный костюм, кроссовки. Кожаные перчатки и фонарик сунул в полиэтиленовый пакет.

По дороге зашел в книжный магазин, купил какую-то тупую книгу, вспомнив, что Петр ее, кажется, уже читал. Ну да это было к лучшему: повторение – мать учения. К тому же, после прочтения никаких проблем, кроме неожиданно появившегося московского акцента, у него не наблюдалось. Экспериментировать в данной ситуации как-то совсем не хотелось. Уже темнело. Пора было выходить на исходные позиции.

Дом нашелся быстро. Это, как я и предполагал, была дореволюционная постройка, без капремонта. Вон, светятся окна – предположительно квартира тринадцать. С этим ясно. Но как попасть на крышу? Соваться в подъезд тридцать третьего дома явно не стоило. Как пить дать, охрана скрытая. «И

круглосуточная», – добавил я про себя.

Оглядевшись сообразил: почти все дома на этой улице пятиэтажные. То есть, перелезть с крыши на крышу не составляет труда. Двинулся к соседнему дому. Зашел во двор – мне был нужен черный ход. Выход на крышу через него. Вот и он. Заколочен. Вернулся назад. На двери парадного входа кодовый замок.

Быстро подошел. «Три кнопки блестят, остальные ржавые» – сообразил я на ходу и не думая ткнул три кнопки. Дверь щелкнула и поддалась. Я тихо направился к дверям подвала. Через него я собирался проникнуть на черную лестницу и подняться по ней на крышу.

Подвал охранялся решетчатой дверью с висящим на ней амбарным замком. Замок был открыт. Обычная уловка. Сколько замок ни закрывай, а очередной сантехник забудет вернуть ключ в жилконтору, и потом сам же его там не обнаружит при следующей необходимости чинить трубу. Как правило, ту же самую, что он чинил и в предыдущий раз. Когда забыл вернуть ключ...

Я с опаской заглянул в подвал – так далеко, чтобы взять с собой резиновые сапоги, приготовления мои не зашли. Щелкнул фонарем: воды на полу нет. Комары все равно есть. Лестница идет вниз, далее туннель раздваивается. Прикинув местоположение нужной мне черной лестницы, я с уверенностью повернул налево. То, что выход из подвала на черную лестницу открыт, я был уверен на все сто. И то, что я встре-

чу там бомжей или беспризорников, сомнения у меня также не вызывало.

За длинным столом сидело с десяток разномастно одетых братков. По всему чувствовалось, что одежду здесь себе никто не покупал. Так, доставали по случаю. Председательское место занимал вор по кличке Валет. Один из стульев был пустой. Все это, по атмосфере, напоминало спиритический сеанс – в воздухе витала напряженность.

Ровным рядком стояли бутылки «Столичной». Из закусок – шпроты, хлеб, тушенка. Единственное, что выбивалось из спартанского кулинарного ряда, – несколько банок маринованных огурчиков с иностранными этикетками. Изысканностью сервировки здесь озабочены не были. Содержание же, видимо – соответствовало.

– Ну что, братки, – начал Валет и гул голосов сразу стих. – Теперь нам, конкретно, без Слепого не обойтись. Много нас стало. Пора мозгами пораскинуть, что делать. А у кого мозги, как не у него. Так что, Паленый, тебе и карты в руки. Давай, банкуй.

Сидящий рядом с ним, ранее интеллигентного вида, а теперь сильно потрепанный, с заплывшими от выпитого глазами, человек сказал:

– А я тебе тоже конкретно, Валет, отвечу. Будет тебе Слепой. Он сейчас где чалится-то?

– Второй отряд, Воркутинская ИТК для особо опасных. Да вот, малява тут от него, – с опаской глядя на Паленого пробубнил маленький лысый человечек по кличке Бухгалтер.

– Маляву дай. Нужно энергетический канал настроить. Чтоб не ошибиться. А то соседа по нарам притащу – как тогда, с Расписным. Парься потом его взад телепортировать. Воркута не Смоленск, во сто крат сложнее будет.

Он взял поданный ему листок бумаги, сделал над ним несколько пассов руками, и над пустым стулом собралось сизое облако. Паленый бросил маляву на стол и протянул руки к облаку.

Братки выпучились на начавший проявляться силуэт. Видели не впервой, но привыкнуть так и не смогли.

– Ну, блин, в натуре! Аж дрожь по телу... – выдавил из себя сидящий рядом с пустым стулом. Он явно подсел на измену.

– Будь! – тихо и четко сказал Паленый, и силуэт превратился в рослого зэка, одетого в тюремную робу.

Зэк недоуменно озирался по сторонам. Потом медленно произнес хриплым голосом:

– Во глюк, в натуре, зря столько барбитурата закатал, так и в психушку можно...

– стакан ему, быстро! – скомандовал Валет резким голосом. – Закусь. Еще стакан, – командовал он по мере потребления подаваемого, – а то еще с испугу ласты откинёт.

Подошел к появившемуся, хлопнул по плечу. – Ну, здорово, кореш! Это я, Валет. Помнишь, в Крестах вместе чадились?

– Ты чо, Валет, снишься, что ли? – откашливаясь, просипел Слепой.

– Ага, держи карман шире! – весело ответил Валет, – это теперь ты сам себе снишься!

Стараясь не шуршать, я двинулся. Подвал попался интересный – здесь, видимо, долгое время было действующее бомбоубежище: везде виднелись остатки загадочных воздухопроводов, старых поржавевших цистерн и электрических щитов. Раньше, судя по всему, помещения представляли из себя гордость Гражданской Обороны и только теперь, во времена демократии, деньги на его содержание и ремонт украли, завернув куда-нибудь в оффшор. Выделенное же на него из городского бюджета финансирование увеличилось в несколько тысяч раз... И теперь ремонтная бригада с Берега Слоновой Кости, в соответствии с имеющейся на этот счет строгой отчетностью, ежемесячно меняет в этом подвале все трубы, попутно перестилая на полу паркет иногда даже с захватом стен и потолка... паркет в целях экономии используется штучный, красного дерева.

По крайней мере, в том, что в бумагах на этот счет все в

порядке я не сомневался ничуть.

Я запнулся о какую-то ржавую трубу и закончил мысль: «А мусор они вывозят не иначе как к себе, на Берег Слоновой Кости; что хоть и стоит дороже утилизации радиоактивных отходов, но таковы условия контракта...»

Впереди показался дверной проем, ведущий на черную лестницу. Я тихо выглянул. На полу виднелись четыре ноги.

При свете свечи двое пацанов, сдавленно ругаясь, старались схватить друг друга за волосы или хотя бы укусить. Содержание их беседы напоминало перебранку мелких торговцев, начавших выпивать друзьями, но в процессе выяснивших, что неделю назад один из них спер у другого пару колготок, за которые строгий хозяин Дагир удержал с первого их полную стоимость, умноженную на два, потому что налоги.

– Ну, Серега, ну гад, ты что, сука, меня перед ментурой подставляешь! Ты что, козел – вообще?! Да ты!! Да я!! Да блин! – Я прикинул, что смертоубийства не предвидится. Видимо, один беспризорник перепихнул другому пакет шмали во время милицейской облавы, ну тот и пострадал на деньги – в худшем случае.

– Эй, пацаны, – донесся с верхних ступенек сонный, ослабленно обдолбанный голос, – не парьте, блин, весь кайф ломаете, я токмо проперлась. Заколебали.

Ее поддержало несколько голосов откуда-то еще выше. В основном в нецензурных выражениях.

«Это хуже, – подумал я, – чего-то их тут многовато». Потянув еще с минуту, я вышел из-за угла и спокойным, интеллигентно-задумчивым голосом сказал:

– Привет, ребята.

Воцарилась гробовая тишина.

– Это чё? – как ни странно, первая реакция была с заторможенной галерки. Послышалось шуршание.

«Ага, – сообразил я, – готовятся когти рвать. Я тут внизу стою – значит, побегут наверх. И тогда я все правильно вычислил. Есть там выход на крышу».

Нижние задергались, освобождаясь от дружеских захватов и, видимо, тоже готовясь сорваться по первому сигналу. На групповой топот по лестнице с последующим грохотом по крышам я не рассчитывал никак. На этом моя тема была бы закрыта. А охрана Петра усилена.

– Ребята, не бойтесь ничего, – делая ударение на последнем слове, жизнерадостно произнес я. – Все фигня! Я – социальный работник организации «Мир без границ»! Я – пришел Вам помочь!

Воцарилась гробовая тишина. Шебуршания прекратились. Подействовало название известной организации где они периодически получали то еду, то одежду. Но, в большей степени, разрядили ситуацию мои пионерско-оптимистические интонации.

– Ты кто, чувак? – осторожно спросил лежащий на локте (чтоб быстрее спрыгивать) рыжий парень лет тринадцати. «Лет шестнадцать, – подумал я. – Они всегда выглядят сильно младше. Клей, блин, страшная вещь».

– Короче, ребята, есть дело. К нам приехали иностранцы. Представители гуманитарной организации. Вы где, кстати, едите? Шмотки там ...

– А тебе зачем? – тихо, растянуто, но уже определенно заинтересованно прозвучало сверху.

– Я переводчик, ко мне приехали журналисты. Хотят снять про вас репортаж. Мой интерес – мне платят за перевод. Моя задача – организовать процесс. Здесь, – произнес я с нажимом, имея в виду российское телевидение – вас не покажут. В принципе, они работают не для телевидения. Для гуманитарной конторы. Можно попросить что-нибудь – принесут. Бабки нельзя – иностранцы этого не любят. Но можно жрачку, одежду. Это они поймут.

Я сделал паузу, соображая, что, раз не разбежались сразу, надежда есть. Ребята помолчали.

– Ну, можно, – прозвучал нерешительный голос.

– Если не подставят, – поддержал другой.

– Ребята, врубитесь, – Как подставят? Кто? Маньяки? Убийцы? Менты? Так им тут, на лестнице, лучшее место, чтобы вас подставить. Один сверху, другой снизу. Баллоны в руках. Алес капут!

«Алес капут», похоже, сыграло решающую роль. Хоть ни-

кто из них, наверняка, и не смотрел по телевизору (по причине неимения такового) фильмов про войну, но интуитивная жесткость выражения возымела действие.

– Ладно, заметано; где встречаемся? – Сверху начали спускаться лохматые личности.

– Завтра, в 15.00. У Ломоносовской.

Ребята начали по одному выбираться в подвал. Через него, видимо на улицу. Никто не хотел оставаться на «засвеченной хате». Запасная у них имелась, стопудово. Подвалов и чердаков хоть отбавляй.

Квартира, в которой заседали братки, более всего напоминала только что расселенную коммуналку. Впрочем, таковой она и являлась. Но на время согласования бумаг агентство недвижимости решило сдать квартиру по демпинговым ценам. Чем и не преминула воспользоваться эта компания. Они не то чтобы сэкономили деньги – теперь, благодаря способностям Пети Паленого, в финансах они были не ограничены. Просто авторитеты привыкли жить в скромности. Да и внимание к себе привлекать было сейчас лишним.

Квартира была огромной – метров триста как минимум. Вся она состояла из анфилады маленьких комнаток, нарубленных коммунистами из шикарных зал с каминами и балконами. Обои на стенах, судя по следам в местах отрыва, на-

клеивали друг на друга, не обдирая, раз уже десять. Причем каждые новые по неизвестной причине были еще страшнее, чем предыдущие. Так что к настоящему моменту стены были, в основном, серо-коричневого цвета в черную полосу. Такая конфигурация удачно подходила тараканам, которые и расплодились здесь в неимоверном количестве. Ванна стояла на кухне, но это жильцов волновало мало. Многие из комнат пустовали, и в разгар веселья братки даже не удосуживались дойти до туалета, справляя нужду в пустующих помещениях. Уж больно дистанция была велика, да, к тому же, пять раз заблудишься, пока найдешь что надо.

Однако на потолке еще сохранились остатки шикарной лепнины конца девятнадцатого века, да в некоторых комнатах стояли замечательной красоты камин, отделанные небесной голубизны плиткой с амурами и афродитами.

Сохранилась и пара зал, по неизвестной причине избежавших коммунистического деления. В одной из них и праздновали сейчас братки появление (в буквальном смысле слова) своего нового кореша.

Приняли уже, видно, по пятой, и разговоры шли дружеские и непринужденные. Сквозь сизый папиросный дым до Паленого доносилось слева:

«А я им – «Простите, господа, вы что мне, порожняк гоните? Фишку, как лохи не сечете и с кем, блин, базлан ведете, не цинкуете». А они, типа, – «канал бы ты в обратку, сегодня не твой день». А я ему ...»

Напротив сильно пьяный браток прислонился к Бухгалтеру:

«...Ну, в общем, пришли мы к ним на хату, Шнырь первую дверь отпер – слышим, внутри кто-то есть. Я ему: «Отпирай вторую», – а он, вижу что боится, но форс держит. – «Не буду, – говорит, – на Гоп-стоп за падлу идти, не о том договаривались». Ну, я и достал волыну...»

Во главе стола Валет и Седой сидели вполоборота друг другу. Рассказывал Валет, Седой только изредка задавал вопросы и, время от времени, исподлобья недобро оглядывал Паленого. В разговоре что-то не клеилось. Начавший бодро, Валет быстро скис и тоже теперь без симпатии смотрел на Паленого. Паленый сидел далеко, поэтому только раз уловил обрывок их разговора: «... Да уж, не с нечистым ли ты связался, Валет? Я человек не больно-то верующий, только и я верю – за все нужно ответку держать, ничего просто так не бывает. Что инопланетян, что Антихрист – мне все одно. Это ты думаешь – он на тебя работает, а ты его спроси, что ему надо? Зачем он к нам пришел, чего от нас хочет? Ох, чую я, Валет, скоро беда случится. Смерть свою близкую чую. И причина тому – он. Паленый!» Валет, видимо, и хотел бы возразить, но ни ума, ни авторитета у него на это явно не хватало, и он только смотрел на Седого с надеждой заблудившегося ребенка.

Я двинулся вверх по черной лестнице. Под ногами скрипели осколки бутылок, перекатывалось что-то подозрительно вонючее. «Клей, – подумал я. – «Момент», беспризорники им вместо наркоты дышат... Опять буду гадостью пахнуть. Ну, не привыкать...».

Вверху что-то скрипнуло – казалось, ключ повернулся в двери. «Не понял, – я приостановился и выключил фонарик, ожидая развития событий. – Черный вход, вроде, заколочен снаружи, кому сюда еще надо?»

– Давай быстро, – услышал я напряженный шепот, – и шмотки забери, тут оденешься! – И, далее, с некоторым подвыванием: – Леха уже третий раз звонит, чует мое сердце – застучает!

– Мариночка Сергеевна – душечка, как же мне – опять по этой ужасной лестнице, через подвал? – Боюсь я...

– Хочешь, тут спи. Дело твое. Приперся не вовремя, сам и виноват! – Дверь с грохотом захлопнулась.

Шуршание одежды. Затем аккуратные шажки. После каждого шага доносился какой-то носогортанный звук испуганного происхождения.

Я вжался в стену. «Молодец, через черный выход из квартиры кавалера выставила...». – Безучастно подумал я, не понимая что предпринять. Попытался нащупать какую-нибудь нишу в стене. Стоны и «охи» переместились еще ближе. Незвестный, не поднимая ног – фонаря у него не было, ви-

димо, ввиду неожиданности развития событий – медленно шаркал по ступенькам, стараясь не запнуться. Я почувствовал близкое дыхание и, совершенно неожиданно, меня за нос схватила рука. Я перестал дышать. Рука замерла, ощупывая мое лицо. Я выдохнул. Раздался дикий крик, топот, звон бутылок, грохот падающего тела... я бросился вверх по ступеням. И вовремя. Преодолев пролет, я услышал снизу звук открывающейся двери и громкий басистый окрик: «А, блин, дети долбаные, щасс милицию вызову!». Изнутри квартиры игриво протянули – «Ну Лёсик, котик мой, зачем нам милиция, нам с тобой и так хорошо...»

Милиция была бы некстати. И, судя по установившемуся внизу молчанию, поводов для ее вызова не было. «Клиент» был либо мертв, либо без сознания. Меня устраивали оба варианта.

Я выбрался на чердак и невольно залюбовался закатом. Красное солнце висело в пурпурном небе. Я ступил на жестяную кровлю и понял, что вечер обещает быть интересным. Видимо, деньги на ремонт крыши также были отправлены на поддержку жителей Берега Слоновой Кости, поскольку крыша, еще защищая периодически жильцов от дождя, для пешеходных прогулок уже явно не годилась. Железо предательски прогибалось под ногами, иногда похрусты-

вало. Я старался идти ближе к стыкам листов, предварительно прощупывая металл рукой. Потихоньку добрался до нужной печной трубы. Вероятность, что это та самая труба, была велика. Навыки ориентирования, плюс определенная интуиция... к тому же, у меня был подробный план. Я достал пакет. Вытащил книгу, обернутую газетами – пусть и газеты почитает, хуже не будет. Положил назад, в пакет: перепачкается, конечно, но внутри уцелеет... «Ну, с Богом, – подумал я. – Чтоб там засора какого, в печной трубе, не было». Я перекрестился и бросил пакет в трубу. По шороху было не понять – долетело ли куда надо, ну да ладно. Из трубы поднялось облачко пепла. Осело мне на голову. Я медленно двинулся назад.

Братва набралась основательно. Пытались петь «мурку», но Валет резко пресек попытку. Он был явно не в настроении. Кто-то из сидевших за столом начал разбредаться по комнатам – интересно, что жильцы, только что чудесным образом переместившиеся сюда кто из ИТК, кто из СИЗО, организовали свой быт по образу и подобию им более привычному. Несмотря на то, что комнат в этой квартире оказалось больше чем жителей, никто не спал отдельно. В каждом помещении жило по несколько человек. И, можно подозревать, что, найдись там двухъярусные койки, желающие спать на

них нашлись бы без труда.

За стеной раздался грохот чего-то падающего. Никто не обратил внимания – падающие тела здесь были обычным делом. Потом, кто мог, сам доползал, а кто не мог, так и валялся в коридорах до утра.

Паленый сидел за столом один. Из блатных с ним мало кто общался. Видя, как из ничего возникают браток за братком, каждый из них сознавал, что и он тоже был когда-то сизым облаком над стулом. Которому Паленый сказал: «будь». И он стал человеком.

Для них эта метаморфоза была не болезненна, но морально неприятна. Они чувствовали себя как бы сотворенными Паленым. Сотворенными из ничего. Здесь. Это там, на зоне, они были самодостаточными, уверенными в себе урками со своими законами и понятиями. А здесь им сказали: «Будь!», – и они стали. Но никто их не спрашивал, хотят ли они сидеть сейчас в этой квартире на Васильевском острове, пить водку и совершенно не понимать, что происходит. Зачем это все, и какая конечная цель этого предприятия...

То есть чувствовали они себя, в некотором смысле, подопытными кроликами. И от этого чувство благодарности к Паленому как то не появлялось. Они были лишены возможности выбирать и верили только в то, что Валет и другие авторитеты точно знают, куда их ведут.

Но ни Валет, ни другие, совершенно так же как и они, ничего не понимали. И они вызывали все новых, все более ав-

торитетных бандитов. Те тоже пытались осмыслить, организовать какой-то план, придумать какое-то предприятие. Но почему-то все сидели и выпивали, сидели и выпивали, чтобы не смотреть на этого страшного Паленого, который творил из пустоты все новых и новых людей...

И эта квартира – по коже Валета пробежал холодок – она была как лабиринт. Какой-то странный лабиринт с обуглившимися стенами, кишущими тараканами, грязным полом и серым потолком. С невымытыми закопченными окнами, которые выходят... «Куда выходят окна? – внезапно вздрогнул Валет. Никто никогда не открывал окон. – Выходят ли они вообще куда-нибудь?» Он подошел к окну и дернул за ручку. Ручка осталась в руке. «Шпингалет открой», – снизу послышался голос лежащего у батареи братка. Валет нервно откинул шпингалет и дернул прямо за раму. И тут же отпрянул от окна. За ним, где-то в полутора метрах от окна, была серая закопченная стена. «Колодец! – запаниковал он. Мы в страшном каменном мешке! Вот нас куда Паленый...» – он не успел закончить мысль. В комнату ворвался растрепанный браток из тех что стояли на стреме.

– Шухер! Там, на крыше!

– Что на крыше? Говори быстрее, козел, не мельтеши! –

Прикрикнул Валет.

– Человек там какой-то. Верняк над нашей квартирой шарится.

– Двое со мной, – скомандовал Валет, – остальные здесь.

Смотрите, – добавил он, зло зыркнув в сторону Паленого, – а ты, Седой, отдохни пока, справимся.

– Сам пойду, – Седой решительно встал. – Хватит, наотдыхался. – Он уже прилично принял и, видимо, решил поразвлечься.

Уже подползая ко входу на черную лестницу, я услышал какие-то крики внизу. Прислушался, выглянул. Видно ничего не было – слишком высоко, да и двор – колодец. «Неужели, это обманутый муж милицию вызвал?» – с тоской подумал я. – «Хреново. Другого выхода тут нет! Бомжем что ли прикинуться? Это в спортивном костюме-то за триста долларов? Олигарх, оно, конечно, не олигарх, а только такого бомжа точно заметут до выяснения...»

Мысли были прерваны приглушенным разговором, донесшимся из слухового окошка.

– Слышь, Седой, стой там. Я проверю. Хоть и не люблю когда высоко. Болезнь, говорят такая есть, век воли не видать!

– Отвянь, сам проверю. Устал на нарах чалиться, разо-мнусь. Глядишь, мочкану падлу. Развлечемся! – возразили ему.

Тут же я увидел вцепившуюся в дверной проем кисть, и на свет божий (солнце уже зашло, то есть божий свет был

лунным) вылез мужик с короткой стрижкой и лицом неандертальца.

– О, блин! Здесь чморик! – воскликнул он и сделал приглашающий жест рукой. Дружелюбно улыбаясь, он вылез наружу и шагнул в мою сторону.

Железо тут же подломилось, похоже, сломалась деревянная балка (уж больно серьезный чув был Седой в плане комплекции) и мы вместе кубарем покатались по крутому скату крыши.

Если пересказывать происходящее тогда – по прошествии некоторого времени я все-таки научился вспоминать об этой истории без содрогания – то помню я только то, как мимо мелькали печные обрубки, и я, стараясь зацепиться хоть за что-то, бесполезно ранил руки об острые стыки кровельного железа. Не знаю, что чувствуют парашютисты, но у них все же есть надежда на то, что они приземлятся и останутся живы. У меня ее не было. Я летел с крыши пятого этажа во двор-колодец дома номер тридцать три по семнадцатой линии Васильевского острова.

Паленый встал из-за стола. Трое оставшихся братков тут

же напряженно-вопросительно посмотрели на него. Потом на дверь. Помощи было ждать неоткуда. Все, кто остался в квартире, подмоги из себя более не представляли.

– Не бойсь, – цедя слова, сказал Паленый. – Спать пойду.

На сон грядущий он налил себе стакан водки. Подцепил маринованный огурчик. Огурчик вкусно блеснул в свете лампочки. Глаза Паленого стали задумчивыми, на губах появилась полуулыбка, как будто он вспомнил что-то очень приятное. Залпом опрокинул стакан, закусил. Встал и отправился спать.

Он тихо затворил за собой дверь, и огляделся в недоумении – в его комнате пахло гарью, на полу ровным тонким слоем лежал пепел. «Пожар, что ли? – с опаской подумал Паленый и уже приоткрыл дверь, чтобы выйти, но тут заметил какой-то белый сверток, отсвечивающий в глубине камина. – Век воли не видать, схран, что ли буржуйский выпал, что в печке заныкан был? На хрен он мне, братков, что ли, позвать? Пусть приколются». Он снова открыл дверь, вышел в коридор и понял, что больше всего на свете хочет сейчас лечь в кровать. И что бы никакие братки не гоготали у него в комнате, не делили бы долго и шумно буржуйские брюлики... а там, глядишь, и до поножовщины дойдет. «Не... с таким раскладом я не скоро спать лягу», – подумал Паленый. Он все же вернулся в гостиную, чем насторожил только успокоившихся охранников, налил еще полстакана водки, выпил, закусил.

– Ну бывайте. Сюси тройме, – пошутил он.

– В каком трюме? – испуганно спросил один из братков.

При таком обилии авторитетов он вконец запутался в субординации, но Паленого боялся чисто инстинктивно.

– Сюси тройме! Что значит, по-немецки, «сладких снов!»

– Во, он еще и немецкий знает, – донесся безнадежный голос до Паленого, удаляющегося в сторону своей комнаты.

«А что же все-таки в этом пакете?» – Паленому стало любопытно. Он подошел к камину и вытащил пакет.

В последнюю секунду, уже соскользнув с крыши, я попытался зацепиться за край водостока, что мне почти удалось. Но тут в него с силой ударилось что-то тяжелое, на миг в метре от меня мелькнуло искаженное страхом лицо бандита. Водосток предательски хрякнул ржавыми креплениями и я услышал глухой хлопок ударившегося об асфальт тела. Через мгновение крепления все-таки не выдержали и я обрушился вниз, в темноту колодца.

«Белая дыра»: ученым удалось обнаружить огромную брешь во Вселенной

Астрономы обнаружили пустое пространство во Вселен-

ной, протяженностью до десяти миллиардов триллионов километров. Так называемое гигантское «ничто» не поддается научным объяснениям. Оно не содержит в себе ни одного известного вида вещества – ни галактик, ни звезд, ни газа, ни черных дыр. При этом дыра в 1000 раз превышает обычное пустое пространство во Вселенной.

Данное открытие вполне может стать революционным, так как противоречит существующим моделям эволюции Вселенной».

Паленый удовлетворенно отложил газету, в которую была завернута книга, на стоящую у кровати табуретку и взялся за книгу. Книга была отдаленно знакома, но когда он ее читал, и про что там написано, вспомнить не удавалось. «Ничего себе, схрон буржуйский! Наконец-то почитаю. А я-то, идиот, братков хотел звать. Да они бы тут же все это прямо в камине и спалили!» – подумал Паленый, сладко потягиваясь в кровати. Чтение обещало быть интересным.

Я лежал на подушках, и три прекрасные феи мокрыми полотенцами обтирали мое тело, призрачно и загадочно улыбаясь. Было приятно. «Вот оно, – подумал я. – Никаких туннелей. Никакого света. А даже жаль... Чего-то красивого хотелось. А тут все сразу. Никаких врат. Никакой реинкарна-

ции. Сразу феи.»

Моросил дождь. Я огляделся, приподнялся. Тело болело везде. Но двигаться было, вроде, можно. «Жив что ли? – подумал я недоуменно. – С пятого этажа упал и не расшибся! Может, Петр помог? Да где он там... с уголовниками водку пьет. А я-то, что ли, все же жив?»

Феями оказались нарисованные на пляжном полотенце девицы голливудского вида. Полотенце висело на веревке и при сильных порывах ветра, мягко колыхаясь, гладило меня по животу.

Мои размышления прервал знакомый бас: « Нне понял!!! Это кто у тебя на балконе заховалялся? Любовник, что ли?» – Интонации были угрожающими.

Я огляделся. Я действительно лежал на балконе. Дул ветер. Смешная ограда в стиле арт-нуво когда-то, видимо, бывшая украшением фасада, теперь поржавела, да и балкон был забит всякой дрянью: бутылки разного происхождения, облупившиеся лыжи, трехлитровые грязные банки и раскладушка. На которой я в настоящее время и оказался, правда, слегка ее порвав – видимо, высота с которой я упал, оказалась немаленькой.

Все вдоль и поперек было перетянута бельевыми веревками; на них жизнерадостно колыхались разноцветные прищепки. Я осторожно присел, раскладушка предательски за скрипела.

Дверь на балкон приоткрылась, и в проеме показался амбал с наколкой на груди – сердцем, пронзенным стрелами. Сколько стрел, я, признаться, не посчитал, однако серьезность положения осознал сразу.

– Я интеллигентный человек, и интересов к вашей жене не питаю, – у меня предательски задрожали коленки (последствия падения, надо полагать). – О, землянин! Я хочу вашей планете только добра!!!

«Остапа понесло», но другого выхода не было. Надо было пороть горячку. По крайней мере, вызвать его на диалог, а там будет видно. Сами представьте – у вас на балконе нарисовался чув, лежащий на раскладушке под дождем. – Какие мысли?

– Чоо!?! – он, кажется, искренне развеселился. Видимо, моя комплекция напоминала овчарке маленькую пятнистую собачку, беспечно семенящую к своему подъезду на поводке у хозяина.

– Ты чо, б...! Ах ты, сука! Ну-ка иди!

– Аааааааааааа – раздалось из квартиры – Леха, не виноватая я!!!!!!

– Ну, блин! Всех порешу! – он шагнул обратно. Тотчас же оттуда послышались визги, шлепки и топот.

Я тихо сунулся внутрь. Вдалеке кто-то сопел и возился. В комнате никого. Высунулся в коридор, огляделся. Справа доносились слабые всхлипы и матерные поругивания. Там же была входная дверь. Я тихо вышел и крадучись пошел в

другую сторону.

– А хахаль-то твой где?! – громоподобно прозвучало за спиной. – Блин!!! Ушел!!!!– Всех порешу!

– Уууууу! – по интонациям завывающей было понятно, что порешит. Причем, похоже, не в первый раз.

«Это шандец...» – Спрятаться в чужой квартире при наличии ревнивого мужа, который знает, что ты тут, практически невозможно. Я сидел в кладовке, прижавшись к стене, и понимал, что тема закрыта. Шансов нет. Бугай серьезный. Все основания на лицо.

Стук за стеной усиливался – громко хлопали двери. Звук голоса приближался: «Ах ты, блин! Ну, сучка, конец тебе! Только сперва хахалю твоему!» – «Аааааааа!!!!!!» – «Размажу....!»

От ужаса и пережитых потрясений у меня поплыло перед глазами... «Петр... во что ты меня впутал», – совершенно отключаясь, подумал я...

– Ага, слышала – там в кладовке, – вкрадчиво мягко произнес бас. – А ну-ка мы его почируем! Раздался щелчок подозрительно напоминающий звук выбрасывающегося лезвия ножа.

В этот жизнерадостный момент я, медленно сползая по стене, трахнулся головой о какой-то крючок. Схватившись

за него, попытался подтянуться. Крючок повернулся. И открылась дверь.

Черный ход! Елы-палы! Да это же та самая тетя, что любовничка спустила! Тогда я знаю, куда бежать! Что я и сделал. С трудом, признаться. Ноги тряслись, тело болело...

Вверху, однако, не унимались: «Фонарь дай, сука, я тут башку сломать не хочу». Сверху послышался звук шагов.

Я мчался в темноте по лестнице, не разбирая ступеней – я же уже был тут – да и тот, любовничек-то, шаркал, крался – да ни разу не споткнулся, только в конце... Шаги сзади не унимались. Перепрыгнув через неподвижное тело, я слетел по ступеням и притаился. Шаги. Еще шаги. Пыхтение. И, наконец, злорадное: «Ну, сучка, хахаль-то твой сам здесь откинулся!! Теперь твой черед!

– Аааааааааааа.....

Я вышел из парадного подъезда и на негнущихся ногах побрел в сторону Малого проспекта.

Попытался поймать такси... Останавливающиеся водители, несмотря на полное отсутствие с моей стороны торга и «лучезарно приветливое лицо», едва приоткрыв окно, объявляли, что им в обратную сторону.

В конце концов, какая-то раздолбанная «пятерка» согласилась – за тройную цену. Мне правда при этом было выдано

несколько полиэтиленовых пакетов, «чтобы подстелить».

Таксист смотрел на меня с явным неодобрением. Его можно было понять – моя одежда была основательно изорвана, измазана кровью и сажей. И от меня сильно пахло подвальным дерьмом.

– Совсем плохой будешь, – осуждающе произнес водитель с сильным кавказским акцентом, – мыться будешь – хорошо будешь, совсем человек будешь. Он поднял вверх руку с вытянутым указательным пальцем, но тут у него выбило скорость на коробке передач, и он судорожно схватился за рычаг. Я обдумывал ситуацию. “А ведь дело плохо... – подумал я. – Они меня наверняка уже вычислили. И сидят в засаде. Прячутся. Но деться некуда, надо переодеться. К тому же у меня не было ни копейки денег и я по глупости (теперь я был в этом уверен железобетонно) оставил машину у подъезда дома, где теперь и ожидалась наиболее вероятная засада... Но выхода не было, я решил действовать по обстоятельствам. И быть осторожным. Иначе, как сказал классик: «бритвой по горлу и в колодец...»

– Эй, дядя, здесь во двор и остановите, – машина припарковалась не доезжая до моего дома сотню метров, в проходном дворе. Я расплатился и вышел.

Прошел через несколько арок и оказался недалеко от своего подъезда. Осторожно, стараясь держаться за деревьями, выглянул.

Бандиты «прятались» внутри огромного джипа «Додж»

с тонированными стеклами. Машина стояла прямо напротив чугунных ворот моего дворика. «Что внутрь-то не въехали? – вяло подумал я. – Вообще незаметно бы было. А вахтеру сказали бы, что приехали стоять в засаде на Диму с пятого этажа...».

Я немного подумал и пошел к другому концу своего дома. Здесь он делал поворот, и в соседний подъезд можно было подойти, не будучи увиденным. Зашел, кивнул знакомому консьержу, прокричав – «я к Даниилу, с третьего» – быстро прошел мимо и поднялся на последний этаж. Открыл дверь на чердак – та же имитация замка, на этот раз гениально изобретенная лифтерами, – и аккуратно пошел вдоль дома, перешагивая через кучи хлама, сваленного жильцами. Идти было легко – сквозь слуховые окошки пробивался свет, кое-где горели лампы. Было относительно сухо и почти не пахло.

Ориентировался я уверенно, потому что бывал здесь уже не раз. Так что дверь на нашу лестницу нашел быстро и, приоткрыв ее, осторожно прислушался. Слушал минут десять. Ничего. Если бы кто-то и ждал меня у дверей, за это время он проявился бы. Бегать по крышам больше не хотелось.

Вышел на лестницу, подошел к своей двери. Прислонил к ней ухо. Тихо. «Ну, что еще может сделать свежее испеченный шпион, страдающий манией преследования?» – Закрепить нитку на дверную щель или изобразить что-нибудь еще в этом роде, когда я уходил сегодня на работу, у меня и в мыслях не было. Да и с чего бы? День начинался прекрас-

но...

Тихо зашел в квартиру. Запер дверь. Подумал. Закрыл на цепочку. Подумал. Закрыл на другой замок. Закрыл вторую дверь. Запер.

«Фиговая у меня дверь. Сколько раз хотел задвижку поставить!» – подумал я. На всякий случай обошел квартиру. Разделся, принял душ.

Когда вышел из ванны, рука автоматически потянулась к выключателю. В мозгу вспыхнул сигнал опасности уже в тот момент, когда нажатие на включатель было на грани. Отдернул руку. Сел на стул. Успокоился. Прошел по квартире и выкрутил до половины все лампочки и, на всякий случай, отключил стереоустановку и телевизор. Подумал. Зачем – то вытащил из розетки утюг.

Поел. Поставил будильник в телефоне на семь и лег спать.

Я почувствовал сильный толчок в спину и, едва не упав, ввалился в чистую, оклеенную светлыми обоями комнату. В комнате абсолютно отсутствовали предметы интерьера. «Взяли, – подумал я, – отперли дверь отмычкой, тихо зашли и – платок с хлороформом на лицо... Они-то, видать, на дверях метку не забыли поставить...»

У дальней стены, сидя в позе лотоса и скрестив руки на груди, сидел Петр.

Я еще не мог очнуться от сонного оцепенения:

– Черт возьми, ты в порядке!?

– Да, совершенно.

– А что ты тут делаешь? Почему сидишь?

– А мне вообще нравится медитировать, к тому же, эта поза приводит меня в какое-то редкостное равновесие.

– Да плевать мне на твою медитацию! Я про другое говорю! Ты под арестом сидишь? Ты же инопланетянин, ты все можешь – почему не сбежишь на свободу, если нормальным стал? О чем ты вообще думаешь?

– Думаю я, Димыч, о жизни. Сбежать-то можно – только куда? На Марс? В Рио-Де-Жанейро? А может, мне фирму какую купить? Колбасу там продавать или крабов из Гренландии в Африку импортировать – ну, через Москву, естественно. Назначу себя директором и буду по клубам модным тусоваться!

– Петя, – тихо спросил я, – а ты домой, вообще-то, когда собираешься? Тебе что, всего этого мало, что с нами случилось? Двоих вообще угробили. Мне чуть башку не свернули, а ты целую преступную группировку из зоны вытащил. И вообще, ты хотя бы себе представляешь, чем это теперь все кончится?!

– Да ладно, кореш, – видимо, переключения сознания у Петра происходили с некоторой инертностью, – жмуриков тех мне не жаль. Один бандит, другой распутник. А как эта история кончится, я знаю.

– Ну и как же? – саркастически парировал я.

– А просто – будем сидеть с тобой в комнате и беседовать.

– Да мы уже беседуем. А вокруг банда, больше пятидесяти человек, на входе охрана. Я, пока меня по ангару вели, там рассмотрел – у них даже зенитка зачехленная в контейнере зачем-то спрятана!

– Ну, зенитка вообще не проблема. Косой от жадности у военных ее откупил. Она уже списана. А вояки вместо того, чтоб в металлолом отправить, решили налево двинуть. Вот и двинули – двое из них теперь в морге, один в бегах. А Косой с ног сбился снаряды искать – их уж лет двадцать как не производят.

– Ну, успокоил, спасибо – зенитка, значит, не страшная... Что, все? Проблем больше нет?

– Ну да, нет, – ответил Петр и с сожалением посмотрел на скрещенные руки, видимо вспомнил о прерванной медитации. – Иди куда хочешь. Нет никаких бандитов.

– Как это бандитов нет? Они что – по домам разошлись? Типа – «всем спасибо, спектакль окончен, все свободны?»

– Почти так. Бандиты есть, но они в тюрьмах – там, где и были. И ничего с ними не происходило.

После секундного размышления я быстро развернулся, подошел к двери и дернул на себя. Дверь с легкостью раскрылась, и я от неожиданности чуть не попал себе по физиономии. Подозрительно выглянул в проем. Посмотрел налево. Потом направо. Коридор был пуст, и было в этой пустоте та-

кое ощущение безопасности, что я поверил Петру. Я закрыл дверь, повернулся к нему и, строго сдвинув брови, спросил:

– Как!?

– Да вернул я все назад. Не купил я тогда этой книги. Не пошел пива пить. Косого не встретил. Понял?

– Понять-то понял. А «кореш», а «жмурики» тогда у тебя откуда?

– Так это для всего мира ничего не было. А для меня было. Пришлось для себя эти воспоминания оставить. Наука впредь будет, поостерегусь книги идиотские покупать. А тебе я воспоминания оставил, чтоб было с кем всю эту историю вспоминать.

– Слушай, – обрадовался я, – так те двое тоже воскресли?

– Нет, – строго сказал Петр. – Если кто-то откинулся, так я не господь Бог, с того света вытаскивать. Померли. Только по-другому. Одного менты при попытке бегства в зоне застрелили, а у второго инфаркт.

– Мда... – вздохнул я. – Так как же мы теперь... будем? Тебе когда домой-то надо? Тебя на сколько сюда... – я помолчал, подбирая нужное слово, – послали?

– Да куда меня не посылали. У нас вообще никто никого никуда не посылает. Мы у себя на планете, конечно, тоже создали видимость материального мира, но, понимаешь... мы сами его создали. У нас нет границ желаемого, потому что все, что мы пожелаем, мгновенно воплощается. У нас все возникает в точности таким как планировалось. Нет ни-

какой неожиданности или мук творчества. А значит, нет ни радости, ни страданий, ни любви. Вообще – нет никаких иррациональных чувств. А здесь, на Земле... да я тебе уже говорил: девушки в мини-юбках ходят!

– Дались тебе эти юбки...

– Тебе не понять. Ты на SHIFFER-2524 сто лет женат не был. Короче, все. Тема закрыта. Остаюсь и баста!

Я икнул от неожиданности. Зазвонил телефон.

Я открыл глаза. Оглянулся – я был в своей квартире. Вылез из-под одеяла. Взял телефон, откинул крышку – звенел будильник.

– Телепортировал, подлец, – с теплотой подумал я. – Опять эти его штучки... А все-таки хорошо, что он остался. С ним как-то... не скучно. Я потянулся и пошел на кухню завтракать. Посреди кухни лежала моя одежда. Грязная и вонючая. «Так, – подумал я.– Значит, ничего не было?» Тихо подошел к окну и осторожно выглянул из-за занавески.

Внизу стоял огромный «Додж» с затемненными окнами.

Я сидел на кухне и неподвижным взглядом смотрел на остывающую яичницу. Рядом лежали вилка и нож. Есть не хотелось. Мыслей было мало, и все они были как на подбор

плохие.

Взял телефон. Поискал в телефонной книжке номер.

Есть у меня одно помещение рядом с домом, на улице Чайковского. Я сдавал его какой-то банковской конторе, которая занималась, кажется, кредитованием и инвестициями. Аренду они платили исправно, поэтому отношения у нас были самыми теплыми. Там, в службе безопасности, работала пара симпатичных ребят, Саша и Кира, с которыми мы периодически пили пиво и разговаривали о курсе доллара и евро в близлежащих перспективах. Тема была вечной, так что и разговоры были долгими.

Им я сейчас и звонил.

После пятиминутного разговора я положил трубку. Подумав, снова взял телефон и связался с нашим охранником, Димоном. С ним также отношения были дружескими, так что и тут разговор получился коротким, без лишних вопросов.

Я переоделся в чистую, удобную одежду. Взял ключи от машины. Посмотрел на часы. Было без двух минут восемь. Все, пора действовать. Жив останусь – свечку поставлю. С Богом.

Я тихо вышел из квартиры, и не вызывая лифт, спустился вниз. Увидев меня, Димон молча встал и пошел к воротам нашего двора. Он открыл их и направился напрямиком к «Доджу». Бесцеремонно обошел его с другой стороны и постучал в водительскую дверь. Стекло приоткрылось, из него

выглянул браток.

– Те че, припарок? Челюсть вставную потерял? – Из машины донесся дружный гогот братвы. Они явно прикалывались и были рады неожиданному развлечению после долгого сидения в машине.

Я тихо выскользнул из подъезда и, прячась за другими автомобилями, пробрался к своему БМВ. Загнул зеркало. Аккуратно приоткрыл дверь.

– Машину нужно убрать, – громким строгим голосом продолжал Димон. – Сейчас госпожа из седьмой квартиры выезжать будет.

Я был уже в машине. Прикрыл дверь. Вставил ключ в зажигание. Руки предательски дрожали.

– Она не любит, когда чужие тут стоят, – Димон как бы не замечал веселья, царившего в машине.

– Так мы твою госпожу сами полюбим, терпила бес.....

Дальше я уже не слышал – мотор завелся с первого оборота и я спокойно и уверенно стал выезжать из ворот. Приоткрыл окно и услышал – «Эй, да это ж машина того козла...»

Дождаться окончания фразы я не стал, вжал педаль газа в пол и БМВ рванулся вперед, пронзительно взвизгнув покрышками об асфальт. Прямо, налево во двор. Неповоротливый «Додж» грузно разгонялся, следуя за мной. Я заехал во второй двор и оказался перед полузакрытыми воротами. Одна половинка этих ворот давно и безнадежно застряла в асфальте. Сзади послышался приближающийся рокот вне-

дорожника. Стараясь ни о чем не думать, я аккуратно втиснулся в ворота, все же задев одним зеркалом о створку. Поворачивая из арки направо, услышал скрип тормозов, и звон разбивающегося стекла – «Додж» на всей скорости влетел в подворотню, не подозревая о торчащих ему навстречу воротах. Пролететь в них такая большая машина не могла ни при каких обстоятельствах.

Вырулил в следующий двор, затем в подворотню и на улицу. Я понимал, что бандиты не бросят преследования, чтобы обсудить предстоящий ремонт, но у меня теперь был приличный отрыв. И, действительно, проезжая Тверскую, я увидел вываливающийся из-за угла покореженный Додж. Они тоже заметили меня и ускорили движение. Теперь мы двигались по правительственной трассе, машин было мало, и я нажал на газ. Х5, едва слышно рыкнув, послушно вдавил меня в сиденье. «Додж» отставал – внедорожники хороши в гонках по болотам, на асфальте же они выглядят величественно, но несколько неуместно. Я резко свернул – для меня это не проблема, а поворот на тяжелой машине куда как более нелегкая работа. Снова прямой участок, «Додж» отставал уже прилично. Гаишник, вышедший из будки, чтобы остановить меня, не успел дойти до обочины и радостно замахал жезлом перед подоспевшим джипом. Тот промчался мимо, как слон на водопой. Гаишник схватился за рацию, мстительно глядя ему вслед. «Эх, номер-то точно поддельный», – подумал я. Дистанция становилась приличной, и я

рванул в сторону улицы Чайковского. Свернул на нее – джип еще не появился в зоне видимости. Доехал до дома, где у меня снимали помещение, уверенно свернул в ворота и встал на свободное парковочное место. Кира быстро закрыл ворота, повесил на них замок и исчез в дверях офиса. В проезд к воротам немедленно встал мерседес, из которого вышел Александр и, небрежно пискнув сигнализацией, так же зашел в офис. Все это заняло не более тридцати секунд.

Через некоторое время мимо офиса пронесся покореженный «Додж», из окон которого пристально пялились по сторонам четверо бандитов. Вид у них был неуверенный. Сзади доносился вой приближающейся милицейской сирены.

Петр не успел прочитать и трети книги, как в коридоре послышалась ругань и возня. Дверь распахнулась. В проеме стоял взбешенный Валет. Он был вне себя.

– Ты что же, падла? Сперва из зоны его сюда? А потом дружки твои его головой вниз, во двор-колодец?! На зоне достать не могли – так здесь?! Ты на кого работаешь, козел?

– Седой с крыши сам свалился, – как о чем-то само собой разумеющемся сказал Паленый. – А ты не парься, Валет, с кем не случается. И на меня не думай. Мне твой Седой, правда, по барабану. Упал он. Поскользнулся. Балка у крыши подломилась, он и упал. Никакой мистики, сплош-

ной реализм, – как бы уговаривая, продолжал он. Его речь странным образом изменилась: ни слова на фоне, даже манера держаться, казалось, была другой.

– Ты че? – Валет подозрительно оглядел комнату. Его взгляд зацепился за книгу. – Ах, б...! Я же говорю – Иуда! – Подельнички твои постарались? Только мне Седой перед смертью глаза-то открыл. Все про тебя как на духу сказал. Ты его за это и пришел? А он чувствовал! А раз он правду про себя чуял, значит, и остальное не порожняк и ты, Иуда, – ссученый потрох!

– Надоело мне, Валет. – Неожиданно спокойно для накалявшейся обстановки сказал Паленый. – Пойду я. Дела у меня. А вам – приятного вечера, счастливо оставаться. – Он спокойно обогнул Валета, открыл дверь, и тут на его голову обрушился сокрушительный удар непочатой бутылкой «Столичной». Бутылка от удара разбилась на сотню сверкающих осколков, серебряным дождем осыпающихся на грязный пол. В сознании Паленого на секунду возник такой же замечательный сверкающий фейерверк и, с проломленной головой, он тяжело упал на сваленную у дверей кучу окурков.

Валет достал из пиджака тяжелый Макаров, взвел курок и сделал два контрольных выстрела Паленому в голову. На звук выстрела из некоторых комнат повыглядывали братки, однако быстро усекли что к чему и испуганно попрятались в свои норы.

– Это тебе за Седого, – тяжело сказал Валет и с брезгливой гримасой на лице скомандовал: – в мешок и на дно, прямо сейчас. Колода, Рязань – к исполнению.

Двое дюжих братков упихали тело Паленого в принесенный кем-то мешок и потащили в машину. Свалив тело в багажник, они поехали на пирсы в городской черте, привязали к мешку камень и сбросили его в воду. Отъехав на безопасное расстояние от места событий, долго возились вокруг машины, оттирая багажник от натекшей туда крови.

Я переночевал в офисе моих приятелей на диване в приемной. Объяснил просто – дескать, бандюганы какие-то хотели меня из тачки выкинуть – еле ушел. Теперь у дома дежурят. На предложение настучать на братков ментам осторожно отказался, сославшись на то, что информация уже передана «не в милицию». Так что ментов сюда впутывать нельзя, надо просто переждать. На мою просьбу переночевать ответили «да хоть месяц, еще как сторожу заплатим». Ну и ладушки. Купив в соседней аптеке крем и лезвия, побрился. Начали приходить работники офиса. Чтобы не светиться, ушел думать в машину. Ездить на ней было нежелательно, однако сидеть удобно – стекла тонированные, электричество, телефон, компьютер, кондиционер. Бензина, слава богу, полный бак.

Гулять по городу мне сейчас не рекомендовалось. Особенно светиться рядом с нынешним жильем Петра на Ваське. С другой стороны – единственным событием, способным переломить ситуацию, была бы наша с ним встреча. И желательно, чтобы он был уже новый. То есть, что-то новое прочитавший. Сон свой я хорошо запомнил, и очень на него надеялся. Но я совершенно не был уверен, что Петр мою книгу получил.

В общем, так. Сам я могу не много. Знакомых и друзей в это дело втягивать нельзя. Могут просчитать и я их банально подставлю. Что же делать?

Через некоторое время план был готов. Я посмотрел на часы. Было четырнадцать ноль-ноль. «Успеваю!» – подумал я, вышел из машины, и, озираясь по сторонам, направился к метро.

Вышел на «Ломоносовской». У меня было еще полчаса, хотя точность в данном случае особой роли не играла. Съел шаверму, побродил по рынку. Интересно. В последний раз я был здесь два года назад, когда мы запускали новый проект – клуб для уличных детей. Клуб уже был, а детей еще не было. Он только что открылся, и про него просто никто не знал. Но уже были немецкие телевизионщики, которые хотели обязательно снять сюжет. Как обычно – сейчас или никогда. Пришлось набирать беспризорников по всем станциям

метро – обещать презентацию, жрачку, короля Иорданского и прочие интересности. В день съемок клуб кишел детьми. Я журналистам честно все объяснил, но они ответили, что им по барабону – картинка в кайф.

За два года многое в городе изменилось. Но метро «Ломоносовская» осталось прежним. Те же, свежевыкрашенные по пятому разу той же краской, что и пять лет назад, ларьки с подтеками на стеклах. Странный базар, вечно негниющие помидоры, кучки бомжей с тыльной стороны метро, просто слоняющиеся личности неопределенной наружности и рода занятий, группки молодежи, уже выпившей и выпивающей еще, шаверма, еще шаверма, цветочный киоск, еще один, еще....

Большую половину моего детства я жил недалеко от этой станции метро, и она была для меня единственным местом, через которое я попадал под землю. Чем-то важным и отчасти мистическим. Через эту точку я мог попасть в другие миры – Невский, Чернышевская, Василеостровская. Можно было попасть на вокзал, а через вокзал – в пригород или вообще уехать в другой город, или в другую страну. Можно было попасть в мир, где было море и все время светило солнце. Там был песок на берегу и соленая вобла. Поезд ехал туда очень долго, несколько дней, и, это было отдельное, очень интересное приключение. Но, так как на вокзал я добирался на метро, то автоматически казалось, что начало путешествий в эти другие миры должно обязательно проходить че-

рез пункт под названием метро «Ломоносовская».

Беспризорники не отличаются точностью. И никогда нельзя быть уверенным, что они вообще придут. Их всегда нужно искать. Лавировать между ларьками, присматриваясь к очередям, особенно к ее началу – у окошка часто можно заметить маленькую грязную фигурку, бубнящую что-то вроде «дяденька купите хлеба, я с утра не ел, очень кушать хочется». Часто это говорится в надежде, что дадут мелочь из сдачи. Но если хлеба купят – тоже нормально – есть им обычно действительно хочется.

Нелишне обойти пару раз вокруг метро – в темных углах, где-нибудь на ящиках, за ларьками они могут подолгу сидеть и перетирать какое-нибудь пустяковое событие, случившееся неизвестно с кем и неизвестно когда. Но то, что это было – верняк!

Я увидел двоих пацанов, воровато петляющих между ларьками и оглядывающихся по сторонам. Узнал почти сразу – это они дрались тогда на черной лестнице. Теперь ничего не напоминало об их прошлых распрях, выглядели они абсолютными друзьями, чего, впрочем, и следовало ожидать.

– Эй, пацаны, здорово! – я бодро подрулил к ним. Они взглянули на меня с некоторой опаской, как бы с трудом припоминая, где мы встречались. Затем, видимо, решив, что поговорить, по крайней мере, можно, а там видно будет, может, что и обломится, нехотя подошли ближе.

– А где остальные – слились уже что ли? Или спят еще?

– Машка с Ольгой спят. Клея надышались. А Крендель с Серегой в Апрашку поехали, шустрить. Щас подтянут-ся. А что за дело-то, с иностранцами, реальное? Чего да-дут-то? – Спросил старший, с рыжими волосами и живым острым взглядом. Взгляд периодически задерживался на мо-ем правом кармане куртки, в котором легко угадывался ра-диотелефон. Я переложил телефон из наружного кармана во внутренний. Парень слегка насупился.

– А доллары даадуут? – Протяжно ерничая, загундосил младший. – «Вот с ним напарюсь, придурковатый, все время гасить придется», – отметил я машинально.

– Так, пошли девок будить, без них никак, – в моих инте-ресах было собрать как можно больше народа. – Есть хоти-те? – безо всякого перехода спросил я.

– А кто ж не хочет, курицу гриль, вон там продается, – замельтешил младший.

– Не, лучше шаверму. Двойную.

– Нет, курицу!

– Я тебе щас такую курицу, блин! – И, повернувшись ко мне: – шаверма вон там продается, и кваса.

– А мне пепси.

– Я тебе щас пепси, блин!

– Так, тихо, – я почувствовал, что процесс пошел. – Всех соберем, тогда и купим – кто что хочет, потом дело обсудим. Спокуха. Куда, говорите, идти будить-то?

– Да вон, в тот парадняк, – старший махнул вглубь дво-

ров, – пошли, покажу.

– Тебя как зовут-то? – спросил я уже на ходу старшего.

– Колян, – ответил тот.

– Коля-Коля-Николай... – нараспев загундосил младший, но, получив привычно-увесистую затрещину, сразу стал задумчивым.

– Все, ждите тут, я сейчас, – сказал Колян и проворно полез в подвальное окно громадного сталинского дома.

Через полчаса вся компания собралась: девчонок разбудили, двое вернулись из центра. Еще двое приبلудились по ходу. Видимо промышляли на этой же станции, но были сами по себе – держались немного в стороне, готовые слиться в любой момент.

Каждому было куплено то, что хотелось. Конечно, пришлось усреднять, в чем неоценимую роль сыграл Колян – он был явным лидером. Иначе мы бесконечно рыскали бы по ларькам, выискивая для каждого то, что он когда-то видел и хотел, но теперь тут этого нет, может, в другом...

Я начал речь, не дожидаясь, пока все доедут до конца, так было надежнее.

– Короче ребята, тема такая: то, что я говорил про журналистов, в силе, но это будет не скоро. Через неделю-две. А сейчас тема другая.

– Ну, динамо, блин, я же говорила! – с набитым ртом запаниковала одна из девчонок.

– Не бзди, давай послушаем сперва! – вмешался Колян.

– И тема гораздо более серьезная. Нужна реальная помощь. И за эту помощь я готов заплатить деньгами, а не жрачкой. Потому что это не для иностранцев, не для гуманитарной помощи. А нужно это лично мне. И это конкретная работа.

Двое независимых заметно отодвинулись на расстояние, которое еще позволяло слышать, о чем речь, но уже позиционировало их как «мы не с ними, мы тут сами, покурить вышли». Все остальные насторожились. Я понимал, что вступление не из лучших, но знал по опыту – парить нельзя. Все надо называть своими словами. Почувствуют, что кручу – сольются сразу.

– Короче, пропал мой друг. Иностранец (это было близко к правде – не говорить же им, что он инопланетянин). Похоже, его похитили. Или что-то в этом роде. Есть только один адрес. Где он был раньше. Там ли он еще или нет, я не знаю. Нужно поднять на уши весь город. Каждому, кто дает конкретную информацию, – тысяча рублей. Каждому, кто способствовал получению этой информации, – пятьсот.

– Это как это, «способствовал»? – Спросил один из свежепришедших – Дениска – длинный, худой, со всклокоченной шевелюрой и скептическим выражением лица подросток лет четырнадцати.

– Просто. Вот, например, ты передал информацию Петьке из Рыбацкого, а он Вовке с Комендантского. А Вовка что-то

конкретное выдал. Вовке тысяча. Тебе и Петьке по пятьсот. Понятно?

– Понятно, – сказал Коля. – Понятно, что нам нужно всю ночь по городу шустрить и всем эту тему прогонять. Авось кто-то что-то и видел. А не продинамишь?

– За конкретную информацию заплачу. После того, как проверю. За порожняк спасибо скажу, что парились.

Все это предприятие сильно пахло керосином. Перво на-перво – я никогда не давал детям денег. Еду, медикаменты, одежду. В этом была определенная этика сотрудника гуманитарной организации. Но сейчас организация была не причем. Они должны были сделать работу. И за эту работу менты запросили бы втрое больше. А результат был бы практически нулевым. К сожалению.

– Стрелка завтра, здесь же, в то же время. К этому времени найдите место поблизости, где я смогу разговаривать со всеми желающими по очереди, и, не привлекая внимания.

После дал короткое описание Петра и его бывший адрес на Ваське.

Я понимал, что времени в обрез – но предложенные деньги для уличных детей были огромны. Это было почти так же круто, как найти клад!

Следующие два дня, к сожалению, не принесли ничего кроме кучи интригующих рассказов о том, что, возможно,

его видели вчера гуляющим на Невском, выходящим из Мариинского театра, входящим в... и т. д.

Беседы я вел в полуподвальном помещении с хорошо просматриваемыми подходами и двумя запасными выходами. К тому же пара ребят постоянно были на стреме. Я прекрасно понимал, что, попадись кто-то из подростков в руки братков, расскажут все и сразу. И еще от себя приплетут что-нибудь для убедительности.

На третий день я услышал про мешок в багажнике.

Пацан Леха уже неделю жил с друзьями в подвале соседнего дома на Ваське. Его дружбаны рассосались, а он «ну просто вырубался, так спать хотел. Повезло», – многозначительно добавил он, видимо намекая на светившее ему вознаграждение. Он услышал вверху два хлопка, сильно напоминающие выстрелы, и сон как рукой сняло. Приник к слуховому окну и весь процесс наблюдал в подробностях. По выражениям бандитов, загружавшим мешок, было очевидно: шлепнули кого-то важного.

Параллельно я узнал, что следующим утром из вышеозначенного подъезда, один за другим, покинули квартиру несколько десятков братков. Кто пешком, кто на транспорте, они убыли в неизвестном направлении.

Леха получил тысячу. Еще шесть человек по пятьсот. После этого поток посетителей утроился, и уже через два дня я знал про историю на пустынном причале. Там, в заброшенном кране, все лето тусовалось аж пять человек. Все они с

интересом наблюдали за выгрузкой и затоплением мешка, единогласно решив, что выкинули жмурика. Им можно было доверять, ибо процедуру эту они наблюдали там не впервые.

Пришлось, скрепя сердце, выдать пять раз по тысяче и четыре по пятьсот.

Выяснилось так же, что на одном из заброшенных складов в промзоне со вчерашнего дня началась небывалая и трудноопределимая активность. Была выставлена охрана, все время снуют автомобили, «даже завезли пару громадных контейнеров, и заехал один трактор». Люди тусуются странные, по описанию походят на сбежавших с Васьки зеков. Охрана стоит серьезная, «что происходит – не понять никак».

Об этом с обидой в голосе рассказал главарь тамошней группировки, нелегально проживающей в ангаре того самого склада. Откуда их эти, предположительно уголовнички, и выперли.

Дал пятьсот рублей для сохранения контакта. Эти подrostки знали территорию как свои пять пальцев, да к тому же имели большой зуб на потеснивших их элементов.

На этом я объявил об окончании проекта и распрощался со всеми, кто мне помогал, не позабыв также и отблагодарить.

С тяжелым сердцем я вернулся в свою машину на Чайковского. Уж больно не нравился мне этот выброшенный в Неву мешок.

Дальнейшее было делом техники. Звонок по тревожному номеру из телефонного автомата: "Хочу сделать сообщение: я гулял в районе пирса, и видел, как несколько человек восточной наружности опустили какой-то мешок в воду. Мне кажется – это тайник с взрывчаткой!»

Естественно, это бы не сработало, если бы я попытался остаться анонимом. Одно дело сообщить, что заминирована станция метро, другое – сообщить, что кто-то выкинул в Неву мешок. Но я назвал свое имя, встретил машину МЧС с водолазами и лично показал место, где это было. Чтобы объяснить свое присутствие в этом месте, пришлось придумать, что гулял здесь с девушкой, которая живет рядом (как мне было еще объяснить – не с собакой же я гулял в часе езды от своего дома?!). Имя ее, я, естественно, назвать отказался. Как благородный человек.

На моих глазах они достали мешок, вскрыли его, и аккуратно перевернули тело вверх лицом. Это был труп Петра.

– Вы знаете этого человека? – спросил меня водитель машины, видимо, заметив мою реакцию.

– Нет, – ответил я. – Первый раз вижу.

Подъехав к воротам дома, я ничуть не удивился, не об-

наружив никакого наблюдения. Я был опасен, лишь пока у них был инопланетянин. Я мог рассказать кому-то о нем, мог убедить его больше не работать на уголовников или еще что-нибудь... А теперь-то что? Никто ни во что не поверит. Буду настаивать – упекут в психушку. Теперь ничего не изменить. Мертвых оживлять даже Петр не мог. То есть я свободен. Только было мне от этого как – то невесело.

III. ВОЗВРАЩЕНИЕ

За дверями стоял зеленый человечек. Вид у него был не очень: зеленые глаза выпучены, губы распухли, как у лягушки.

– Быстрее!! – Сипло запищал он, бесцеремонно вваливаясь в прихожую, при этом вращая руками в стиле пловцов брасом. – Ты куда, блин, пропал, я тут сижу, жду, уже все силы ушли, мне надо тело, матрица другая, читать не могу, реально сейчас вообще дематериализуюсь.

Я не знал – радоваться или плакать – честно сказать, признать в этом чучеле Петра было затруднительно, да и зрелище было не так чтобы очень.

Он мне когда-то объяснял: из зеленого человечка в нормально человека превратиться нельзя – структура у этих зеленых другая. Не корелирует с людьми вообще. Из зеленого один путь – в пустое тело. То есть человек должен ему свое тело добровольно отдать. Ну а дальше резонанс, забор

энергии из матрицы коллективного сознания – и хоть пять раз материализуйся. Только проблема потом между самим собой разобраться.

– Так тебе, что, опять мое тело надо? – задумчиво и по-дозрительно спросил я. Уж больно плохие воспоминания у меня остались от высадки на Луну.

– Блин, конечно, Димыч, быстрее, последние силы уходят...

– У тебя все время, сколько тебя помню, силы последние. Ладно, – решил я. – Только не на Луну.

– Да хоть чего. Только тебе ведь захотеть надо. Насильно я не могу. Давно бы уже перекинулся.

– Ага – сделай меня кем-нибудь великим и ужасным... Эй! – закричал я вдогонку, – только вернуть не забудь!

В глазах сверкнуло.

Под перестук колес в окно накрапывал мелкий дождь. По сравнению с предыдущим разом я чувствовал себя не в пример более уверенно. Знал – вернусь. Но беспокойство не оставляло. В купе зашла женщина. Присела на край постели.

– Как Вы?

– Не знаю, – ответил я. – Нас арестуют? Кто предупрежден?

– Слухи совершенно противоречивые, – лицо женщины

казалось отдаленно знакомым. В Петербурге буза. Говорят, у наших сила. То, что Россия накануне революции, это несомненно. Но кто знает – все так изменчиво. Нужно готовиться к худшему, Володя. И не узнать ничего толком. У нас только условия на транзит. Выходить из вагона не разрешается. Ну, ты же знаешь, сам подписывал. Кроме Платтена, конечно. Ему все можно. Но этот молчит, если что и знает – не добьешься.

– Как люди?

– В клозете – толпа. – Она мягко улыбнулась. Знают, что ты не переносишь дыма, так там курительный салон устроили. Теперь очередь занимают. За нормальной надобностью и не пробиться.

В купе постучали. Зашел официант. Поставил поднос. Молча удалился.

– Да, одно отрадно, – кормят исключительно!

Я съел супчик из форели: еда показалась непривычно добротной, давно я так не ел. На второе: шведский бифштекс, даром, что повар из немцев.

После обеда вышел из купе, решив немного размяться. Услышал перепалку в конце вагона – спорили курящие и некурящие. Я пошел в купе, нарезал бумагу и вернулся к клозету.

– Товарищи, вот ордера, – я решил упорядочить сутолоку. – На три билета категории А, один для курящих. – Все посмеялись, но идею приняли. Сутолока прекратилась.

Я вернулся в купе.

– Наденька, – обратился я к женщине, читающей что-то у керосиновой лампы.

– Да, Володя?

– А если нас не арестуют, удастся ли ночью достать на Финляндском извозчика?

– Думаю, кто-то из товарищей будет. Помогут добраться. Лишь бы не в Петропавловку.

Стучали колеса, за окном смутно проплывали телеграфные столбы. В темноте стекла отражались лампа и силуэт склонившейся над книгой женщины. Рядом с ней сидел невысокий мужчина. То есть я. Вагон качнулся и пламя лампы осветило мое лицо. И тут мне стало по-настоящему страшно.

Я был Владимиром Ильичом Лениным, возвращавшимся через Германскую границу в Петербург в запломбированном вагоне. Был апрель тысяча девятьсот семнадцатого года. По старому стилю.

Наутро прибыли в Белоостров. Нас встретили Мария Ильинична, Шляпников, Сталин, Каменев и другие товарищи. Стали обсуждать дела и появилась первая информация. Я спросил, арестуют ли нас по приезде. Товарищи улыбались.

Здесь я впервые выдвинул тезис о грядущей мировой революции и роли России в этом процессе. Началась дискуссия.

Дело в том, что на тот момент бытовало мнение, что революция в России возможна только после революции в Европе. Я же считал, что Россия послужит детонатором всему мировому революционному движению. Что мы должны быть, и обязательно будем, в авангарде мирового революционного движения. Что происходящее в России архиважно, со всех точек зрения, и будет примером, за которым рано или поздно последуют все европейские страны.

Во время диспута я внимательно присматривался к товарищам. Особенно интересовал меня молодой, но подающий надежды грузин. Я с некоторым даже испугом поглядывал на него. Сейчас он был прост, дружелюбен и энергичен. Среди старших товарищей многословием не отличался, но я, зная, что предстоит сотворить в будущем этому улыбчивому грузину, испытывал сильную скованность и дискомфорт от его соседства. Пару раз, встретившись со мной взглядом, Джугашвили так тепло и понимающе улыбался, что мне пришла в голову шальная мысль: «А он ли это сидит сейчас передо мной? А вдруг это кто-то иной – воспользовавшись чужим телом, играет сейчас роль будущего великого вождя? А может... может, это я сам, уже в следующий раз сменивший тело по просьбе Петра – сижу сейчас здесь и улыбаюсь себе губами Сталина, зная, что это я временно пребываю в теле

Ленина?!!»

К вечеру поезд прибыл в Петербург. Когда он, попыхивая, медленно вошел под крышу вокзала, я застыл в изумлении. Я увидел солдат и матросов, вытянувшихся в струнку в почетном карауле с офицерами во главе. Это были Московский и Преображенский полки, красногвардейцы и моряки Балтийского флота. Позади стояли рабочие со знаменами. Вокзальная площадь и прилегающие к ней улицы были запружены людьми, которые держали в руках флаги и факелы. Оркестры играли «Марсельезу».

Ко мне подошел щеголеватый молодой офицер, что-то отрапортовал и в конце лихо отсалютовал мне. За звуками оркестра я не расслышал, что он сказал, однако неожиданно для самого себя ответил офицеру, повторив его движение. Дальше меня буквально понесли на руках. Я боялся, что уронят, и постоянно повторял: «Товарищи, тише, что вы, товарищи!». Наконец меня отпустили.

Сопровождаемый Крупской и Каменевым, я прошел прямо в императорский зал, где меня уже ждали товарищи из ЦК. Поздоровался, выслушал странноватое приветствие Чхеидзе. Надо заметить, что, вопреки киношно-книжным версиям моего появления в Петербурге, на мне был надет котелок, а не кепка, как многие позже описывали. Я, действи-

тельно, купил в Стокгольме кепку, чтобы быть ближе к образу пролетария, но в суতোлке забыл ее в вагоне.

Не ответив на приветствие Чхеидзе – уж больно оно было нравоучительным, – я развернулся и вышел назад на перрон, к солдатам и матросам. Они встретили меня торжествующими криками. Сквозь бурлящую толпу я выбрался на площадь. Кто-то помог мне вскарабкаться на броневик, и я начал свою первую речь:

– Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас, как передовой отряд всемирной пролетарской армии...

Мне оставалось только благодарить эрудицию, невероятную логику и убежденность тела Ильича. Слова складывались легко, я, как бы плавал во флюидах многотысячной толпы, которая отзывалась на каждое слово торжествующими выкриками. Было ясно – меня здесь ждали. Более удачного момента для возвращения представить было трудно. Хотя конечно, что и говорить, немецкие денежки также сыграли свою роль...

Шумела толпа на улице, ломилась в двери, требуя меня. Броневики выстроились у Финляндского вокзала. Их прожектора резкими снопами прорезали темноту и освещали улицы Выборгской стороны.

Снова зазвучала «Марсельеза», официальная часть приема была окончена.

Под звуки оркестра и крики тысячной толпы, среди красно-золотых знамен, освещаемых прожекторами, я вышел на парадное крыльцо и сел в крытый автомобиль. Но эта попытка не удалась – солдаты и матросы, заполнили площадь и улицы. Автомобиль не пропускали. Мне пришлось выйти. Я взобрался на крышу авто и начал новую речь.

–... Участие в позорной империалистической бойне... ложью и обманом... грабители капиталисты...

Я изрядно устал, но мне пришлось пересесть на броневик и двинуться на нем в сопровождении рабочих отрядов и воинских частей к Сампсониевскому мосту, в резиденцию большевиков – дворец балерины Кшесинской. По дороге мне приходилось выступать чуть ли не на каждом перекрестке.

– Да здравствует Социалистическая Мировая Революция!..

Броневик медленно плыл среди людского моря в далекую молочно-туманную даль, освещаемую мощными снопами прожекторов...

Один из них на мгновение ослепил меня, и я прикрыл глаза.

А в следующую секунду обнаружил, что стою на кухне своей петербургской квартиры.

Рядом со мной, за столом, сидел незнакомый мужчина лет тридцати с крупными чертами лица и волевым подбородком. На руках проступали вены, он был поджар и мускулист. Спокойно, с дружелюбным выражением он смотрел на меня. Я, все еще в прострации после пережитого, также молчал.

– Привет, меня зовут Арнольд, – дружелюбно приветствовал он меня.

– Какого черта? Какой Арнольд? Товарищ, почему вы сидите на моей кухне? Где Петр? – Я засыпал его вопросами.

– Димыч, да я и есть Петр. Только выгляжу по-другому, мне, знаешь ли, прежнее тело поднадоело уже... да и неприятно вспоминать: его же убили все-таки. А тут, – он с легким самодовольством напряг мускулы – я подразвил кой-чего.

Саркастические нотки в его речи были мне хорошо знакомы, и я с большим доверием посмотрел на сидящего передо мной человека. Хотя признаться, чувствовал я себя странно. Представь – к вам на улице подходит пожилая тетка незнакомой наружности и говорит: «Внучек, Васенька, я твоя умершая прабабушка! У меня только тело другое, а так я тебя очень люблю...».

– Ну и какое же тут развитие? Что у тебя теперь рожа кирпичом, и мускулы как у Сталлоне?

– Во первых, не как у Сталлоне, а как у Шварценеггера, –

он умильно посмотрел на журнал «Медведь» – тот был открыт на фото Шварценеггера в целый разворот.

– А... – протянул я... – Понятно... Арнольд. – Последнее прозвучало несколько с издевкой. – Так что же во-вторых?

– А во-вторых, вот что. Я несколько скорректировал программу энергетического клонирования. Тело моё теперь материализуется не только с желательными физиологическими улучшениями, но и совершенствуется на молекулярно-кинетическом уровне. Другими словами, убить его, по крайней мере, теми способами, которые ко мне уже применяли, нельзя.

– То есть ты что, бессмертный теперь стал?– Изумился я.

– Ну, не то чтобы вообще нельзя убить. Но, типа, затруднительно.

– И тебя теперь не застрелить?

– Нет, не застрелить, – утвердительно ответил он.

– А что происходит с пулей? – во мне проснулся дух естествоиспытателя.

– По-разному, – откликнулся Арнольд. Когда насквозь проходит, когда плющится, а когда отражается. Последнее наиболее энергоёмко. Пуля меняет направление и скорость на диаметрально противоположную.

– А от бутылки по голове ты как спасаешься?

– Да так же. Насквозь пропускаю, бью или отражаю. Без всяких для себя негативных последствий. – Он поморщился, видимо, от неприятных воспоминаний. – Да и вообще,

с движущимися материальными объектами первого порядка все довольно просто.

– А с чем не просто?

– Второй, третий порядок. То есть энергия сознания: ментальные сгустки, кинетические нити там, ну, в общем, куча всего, на самом деле, есть, с чем я не знаю, как это тело себя поведет.

– Арнольд..., тьфу... Можно я тебя по-прежнему Петром звать буду? А то Арнольд, это как-то не по-нашему. Не по-русски.

– Да зови, я, собственно, он и есть. Все воспоминания на месте, эмоции, переживания. Это как, считай, пластическая операция. Я понимаю, мог без проблем старое тело восстановить. Но я тебе уже сказал... Да и конспирация опять же: с бандюками-то этими еще далеко не конец.

Новый Петр нравился мне все больше. Он был как-то интереснее. Самостоятельней. Раньше он доставлял мне много хлопот. Особенно когда Достоевского начитается и давай по Невскому в котелке рассекать и выражаться так, что без стакана не поймешь. Все норовил куда-то пропасть. Потом спасать приходилось. А этот вроде сам себя в обиду не даст. «Может, вздохну спокойно», – подумал я.

– Пиво есть, – прервал размышления Петр. – Там в холо-

дильнике, я сбегал пока в твоём теле был. «Хейнекен».

Я открыл холодильник и замер от удивления: вся верхняя его часть была занята аккуратно сложенными бутылками пива.

– Ты чего тут, на месяц запасся?

– Не, на сегодня. Не хватит – в морозильнике водка. – Он по-деловому открыл бутылку об бутылку. Достал два стакана, разлил почти без пены. – Ну, давай. За встречу.

Мы выпили. Он выложил на стол воблу, высыпал в тарелку солёные фисташки. Разлил по второй. Выпили ещё. Жить стало веселей.

– Ну что, – я решил обсудить дела. – Надо бы бандитов этих назад вернуть. А то от них как-то неуютно. Ты теперь хоть и супермен, но все же без них было бы поспокойней.

– Куда вернуть? – с интересом спросил Петр.

– Ну, куда, в тюрьму понятно, в места, так сказать, лишения. Что бы все стало, как было, – вспомнил я свой сон. – А что с ними ещё делать? Есть мысли интереснее?

– Есть, – как-то посерьезнел Петр.

– И какие?

– Будем мстить!

Я несколько опешил. Такая мысль была для меня новой.

– Кому мстить? Зачем?

– Уродам этим. Которые меня убили. И в первую очередь Валету, падле. Где тут у вас оружие продают? – безо всякого перехода спросил он. – Пара девятимиллиметровых «кедров», две «мухи», бронежилет – или два надо? Ты со мной пойдешь?

Такого оборота событий я никак не ожидал. У каждого Петиного воплощения были негативные нюансы. Но раньше все было более или менее безобидно. Теперешний же вариант вызывал у меня прямое неприятие. Я по жизни предпочитаю улаживать все мирными переговорами. Ну, разругаюсь вдрызг, на худой конец, стресс опять же снимает. А тут: «надо ли мне бронежилет?» А гранатомет? А огнемета у вас, кстати, не завалилось? что-то посжигать кого-нибудь хочется... Я с сожалением посмотрел на Петра.

– Ты чего читал-то? – спросил я нерешительно, припоминая о его способе материализовывать себе тело: он обычно брал его внешний вид и характер из недавно прочитанной книги.

– Как что? «ВДВ наступают», конечно. Продолжение.

Я с сожалением подумал, что сам купил данное произведение на блошином рынке и забыл вовремя выбросить. Да, блин. Пригодилась книжка. Главное, как я помнил из предыдущего опыта, упорство у Петра было феноменальное. Переубедить его было очень трудно.

Выпили еще, поговорили. Тему мести я больше не трогал – сошлись на том, что завтра с утра испытаем транспорт.

Здесь мне все-таки удалось танки поотменять. А то он сначала на них собирался к уголовничкам ехать. Решили из моей машины «планетарную матрицу» сделать. Петру, видно, хотелось свою крутизну продемонстрировать – что он там за сюрприз приготовил, он не объяснял, только хитро улыбался. Несколько подумав, я с опаской согласился, взяв с него клятвенное обещание, что машина после этого ездить не перестанет.

Автомобиль медленно и плавно поднимался в небо над Васильевским островом.

Было, в общем-то, красиво: солнце в зените, корабли, гостиница «Прибалтийская», планеры, людишки на берегу, шагающие с одного бетонного обломка на другой, пытаясь не наступить на торчавшую из них арматуру. Осколки битых бутылок и окурки, которые гуляющие сами же и выбросили так далеко перед собой, как только смогли. Смогли далеко. Но, поскольку шли тоже максимально бодро, то дошли до окурков, пока те еще горели. И теперь, критикуя Евросоюз и Америку, обжигаясь об окурки, они пробирались к воде.

Я висел над заливом и ничего не понимал.

– Петрович, – я перешел на уважительный тон, – а что теперь?

– Газ нажми, – проникновенно посоветовал Пётр.

Я нажал на газ и машина двинулась вперёд. Впереди было жилое здание, правда, внизу. Перелетели. Я жал на газ и рулил. Жалко, что я никогда не был фанатом вождения. Иначе у меня снесло бы крышу: препятствий никаких – для самолётов низко, для линий электропередач – высоко.

– Ну, начинай с высотой работать, – вещал Пётр. Он сидел рядом и, казалось, скучал.

– Подожди, – прикололся я. – Вон краны какие-то вдалеке. Поехали!

Мне стало интересно. Подлетели к порту. Кран, высоко выставив заклёпанное тело, мерно покачивался в небе.

– Ну, блин, супер! – Только и нашёлся сказать я. – Клёвый какой!

На верхушке, в подобии люльки, восседал усатый мужик серьёзной наружности и абсолютно трезвого вида. «Дык а кого сюда ещё посадить? – подумал я. – Всё строго. Контейнер уронит на пароход – минус контейнер. Да и пароход, поди, тоже затонет. В общем, ответственность».

– Слушай, – пробило меня вдруг. – А почему крановщик не удивляется? Перед ним, что, каждый день машины летают?

– Это я тебе ещё не объяснил, – откликнулся сидевший рядом инопланетянин. – Короче, здесь два режима – вневизуальный и нематериальный. Оба включаются по умолчанию в момент отрыва от дороги. Вверх или вниз. То есть при полёте или при движении под землей. Первый значит, что

ты находишься вне видимости окружающих. Второй: то, что ты находишься вне материи. То есть, ты проникаешь через любые материальные объекты, не причиняя им разрушений. Очень полезно, особенно при движении под землёй. Представляешь, какой будет грохот, если ты поедешь под землёй, раздвигая пласты породы? К тому же, все коммуникации порушишь. Да и при полётах: вмажемся, к примеру, вот в такой кран – представь себе масштаб события – в новости попадёшь! Как минимум... – зачем-то добавил Пётр после паузы – видимо, «представлял масштаб».

– А вообще, всё это можно отключить и опять стать видимыми и материальными. – подытожил он

– А как отключить-то? – поинтересовался я.

– Видимость-невидимость отключается аварийкой, – он для наглядности ткнул кнопку. Замигали, защёлкали аварийные огни. Материальность – поднятый ручник. Он потянул ручник, видимо, решив, что я не в курсе, что это такое.

В это время башня крана стала поворачивать в нашу сторону. Мужик в кабине что-то кричал в переговорное и сноровисто двигал рычагами. Мне стало не по себе. До столкновения оставались считанные метры. Размеры стрелы вблизи оказались внушительными. Заклёпанная чешуйчатая поверхность с облупившейся жёлтой краской угрожающе приближалась.

– Не бойсь, – голосом сурового боцмана попытался приободрить меня Пётр, – мы же нематериальные!

– А ты уверен? – усомнился я. – Мы же не проверяли: вдруг не работает? И вообще, включить – это ручник поднять или наоборот? А чем ты там, кстати, щёлкал?

Видимо, я его сильно загрузил своими вопросами: в глазах Петра заметалось сомнение. Он медленно перевёл взгляд на приближающийся кран.

– Ну, блин... – начал он, и мы одновременно перевели взгляд на крановщика. Его глаза выражали неподдельный ужас. Мужик открыл рот, закрыл, снова открыл. «Кричит «мама», – успел подумать я, и страшной силы удар обрушился на нас...

* * *

«... серьёзная авария на Балтийской таможне. Прямо в разгар рабочего дня обрушилась стрела башенного крана. Вместе с двадцатитонным контейнером большая часть конструкции упала в море. По утверждениям крановщика, непосредственно перед аварией он наблюдал зависший в воздухе автомобиль чёрного цвета с тонированными стёклами. Через лобовое стекло ему удалось рассмотреть двух мужчин среднего возраста, указывающих в его сторону. Как утверждает крановщик, именно от столкновения с этим автомобилем, напомним, зависшим на высоте башни крана, и произошло данное ЧП».

На экране сменилась картинка. В кадре появился знако-

мый мужик с выпученными глазами, интенсивно двигающий руками взад-вперёд, как бы переключая рычаги.

– А они... А я! Они! Я! – Донеслось из динамиков телевизора. Речь мужика разнообразием не отличалась. На заднем плане мелькали люди в белых халатах.

«Это был репортаж из больницы им. И.И.Скворцова-Степанова, – на экране снова появилось лицо дикторши, – куда крановщик помещён для прохождения курса реабилитации».

Последнее было произнесено несколько саркастически. Подразумевалось, что всем хорошо известно, какую «реабилитацию» проходят в больнице им. И.И.Скворцова-Степанова пациенты, чьи краны сталкиваются с пролетающими мимо чёрными автомобилями.

«По данному ЧП возбуждено сразу три уголовных дела: кроме самого факта крушения, выяснилось, что утонувший в море контейнер, принадлежащий пензенскому предпринимателю Ассыку Зысанову, был растаможен по подложным документам. Было задекларировано, что он используется для перевозки предметов, бывших в употреблении, то есть так называемого секонд-хэнда. Данная категория товаров имеет самую низкую таможенную ставку. На самом же деле в контейнере оказалась партия презервативов. Третье уголовное дело возбуждено против начальника таможенного терминала. Как оказалось, вышеупомянутый башенный кран отслужил свой срок ещё в тысяча девятьсот семьдесят восьмом

году. То есть его эксплуатация была незаконной в течение более чем 25 лет».

Молодой серьезный диктор переложил листок из одной стопки в другую и продолжил: «При проведении нашими журналистами самостоятельного расследования Пензенский предприниматель заявил, что не имел ни малейшего понятия о том, что стоимость таможенных сборов занижена. «Это какое-то трагическое недоразумение!», – сказал он нашему корреспонденту в Пензе. Кроме того, по региональному пензенскому каналу выступил смотрящий по региону, бывший вор в законе Чёрный, занимающий сейчас пост спикера законодательного собрания Пензы. Он также подтвердил невозможность участия господина Зысанова в каких-либо противозаконных действиях. Что касается начальника терминала, то он с самого начала занял выжидательную позицию:

«Никакого крана не было, – уверенно заявил он нашему корреспонденту. – И контейнера не было. Не знаю, что там у кого упало. Лично у меня на терминале всё в порядке. Тот кран, о котором идёт речь, сломался 25 лет назад и с тех пор не эксплуатируется. Так что никакой контейнер с него упасть не мог. Ничего мы со дна вчера не поднимали. А на берегу стоит контейнер г-на Зысанова, в котором находится 20 тонн секунд-хэнда».

Заявление начальника терминала показалось нам малоубедительным, так как мы сами вчера присутствовали при подъёме и вскрытии контейнера с презервативами. По этому

факту мы предприняли независимое журналистское расследование. Оно дало следующие результаты:

На том месте, где вчера стоял вытасченный из воды зеленый контейнер с презервативами, сегодня находится контейнер другого цвета и размера. На боку у него крупными буквами на русском языке написано: «Секонд-Хэнд».

Рядом стоит вооружённый милиционер. Номер контейнера соответствует заявленному в таможенной декларации.

В ГАИ (напомним, что до прояснения ситуации специалистами из больницы им. И.И.Скворцова-Степанова, данное происшествие считалось дорожно-транспортным) нам заявили, что ДТП с участием летающих машин лежит вне сферы их компетенции. Что вчера действительно кто-то звонил, но ложные вызовы у них каждый день и это в порядке вещей.

В больнице нас встретили радостным известием. На следующий день после столкновения крановщик совершенно выздоровел и убыл рано утром в неизвестном направлении. Его сопровождали двое сослуживцев, решившие, видимо, лично выразить свою радость по поводу его назначения на новую, более высокооплачиваемую работу.

Единственный, оставшийся непрояснённым, вопрос мы адресовали начальнику таможенного управления, генералу Ивану Виленовичу Семижеду.

В телевизоре появился строгий субъект, с блестящими пуговицами на кителе и с какардой на фуражке.

«Уважаемый Иван Виленович, – на экране замелькал микрофоном участник журналистского расследования. – Как мы поняли из Вашего рассказа, на 7-м таможенном терминале кран в течение последних 25 лет не эксплуатировался вообще?»

«Да, вы всё поняли правильно...» – по усталости в голосе чувствовалось, что это дубль эдак двадцатьпятый.

«А как же вы объясните тогда тот факт, что этот кран, которого нет... ну, который уже 25 лет не работает на данном терминале... – журналист старался выразить мысль ясно, но удавалось с трудом, – этот кран был там единственным... Нет на терминале больше никаких кранов. Тогда как же терминал 25 лет работали-то?! Чем контейнеры грузили – они же по 10 тонн весу каждый?»

«Молодой человек, – с лёгким оттенком грусти ответил генерал. – А как древние египтяне пирамиды строили?! Там блоки ведь тоже по 10 тонн! А в то время не то что бы кранов башенных – электричества не было! Вообще никаких машин! И ничего, управлялись. Как? Есть разные теории. Но точно сказать никто не может. И это ничего не меняет – пирамиды ведь стоят!»

Так вот, молодой человек, точно так же и мы с седьмым терминалом. Я не могу Вам точно сказать, как они работали. Но факт остаётся фактом. На седьмом терминале, благодаря героическим усилиям трудового коллектива, в течение 25 лет 10-тонные контейнеры перемещались... безо всяко-

го крана! И я буду лично ходатайствовать перед правительством!... Перед страной!... – Голос генерала окреп; в нем зазвучали металлические нотки, – ... о награждении начальника терминала и предоставлении его к внеочередному воинскому званию!»

На экране возникла хорошенькая физиономия дикторши.

«Итак, дорогие телезрители, в результате нашего очередного журналистского расследования мы пришли к простому выводу: авария, произошедшая вчера в 12:20 по московскому времени на седьмом терминале Балтийской таможни, не происходила вообще! А мы прощаемся с вами до следующего выпуска нашей передачи. Оставайтесь на нашем канале! Хороших выходных!»

Я щёлкнул кнопкой пульта и посмотрел на Петра.

– Да, ммм... Наворотили... – задумчиво произнёс он. – Ладно хоть все живы-здоровы. И даже с наградами. А могло бы... эх, надо быть осторожней!

Я не стал ему ничего отвечать, хотя мог бы. Всё получилось, по сути, из-за него. Донажимался на кнопки, блин! – материализация, визуализация... В результате сам запутался.

– Слушай, – начал я, – а что с бандюганями-то? Когда мстить будем? – я специально употребил слово «мстить», чтобы сделать Петру приятное. У него ж вендетта.

На самом деле вся эта тема с боевыми действиями мне как-то подсознательно не нравилась. Хотелось её уже поско-

рее закрыть. Одни воспоминания чего стоят! Сам чуть не погиб, а Петра и вовсе убили. Хорошо он хоть воскреснуть смог. А теперь вот мстить собрался, Шварценеггер, блин!

– Так, – Пётр бросил на стол недоеденную воблу. – Ты прав. Хватит этим отморозкам кайф на свободе ловить! Небось, не скучают сейчас: водочка, девочки... А по ним могила плачет! Век воли не видать!

– Петя, какая могила? – спросил я вкрадчиво. – Мы ж договорились: поугаать и отпустить. Как интеллигентные люди...

– Ну да... – потупился он. – Поугаать... желательно до смерти... И отпустить... головой в колодец... Короче, всё! Поехали.

– Что? Прямо сейчас? – я испугался.

– Конечно, прямо сейчас. План есть. Оружие тоже. Транспорт в наличии. Вперёд!

Времени мы вчера даром не теряли. Сразу после того, как порушили башенный кран на таможенном терминале, мы продолжили освоение новых возможностей автомобиля. Особенно понравилось передвигаться в машине, наполовину погруженной в землю. Я опускал её примерно до середины лобового стекла на уровень асфальтового покрытия и так путешествовал по улицам. Был в этом какой-то сюрреали-

стический глюк. Естественно, двигались мы в режиме полной нематериализации. И еще по моей просьбе Пётр усовершенствовал включение этого режима. Теперь инцидент с краном был бы невозможен – при отключении нематериализации машины, компьютер полностью менял внутреннюю подсветку автомобиля – с оранжевой на синюю.

Полдня мы катались по городу. Потом Пётр произвёл какие-то сложные манипуляции с картами Таро, и мы обзавелись двумя дубинками довольно уродливого вида, напоминающими старинные жезлы. Пётр с нежностью в голосе называл их бластерами и не давал мне до них даже дотрагиваться.

– Потом! – сказал он. – Сейчас двигаем в сторону Синявина, там сядем посреди болот и попробуем. Если кто и услышит, то решит, что взорвалась оставшаяся с войны мина!

Нужно сказать, что мне стоило больших усилий убедить его использовать инопланетное оружие. Пётр начитался боевиков, и теперь его просто переключило на РПГ, мухах и бронжилетах. Даже ракету малого радиуса действия приплел.

– Я же говорил, Димыч: хочу их тем же почикать, чем они меня. Око за око! Глаз за глаз! Танками гадов перееду!

– Во-первых, – возражал ему я. – Око и глаз – это одно и то же. Во-вторых, Валет же тебя из Макарова завалил. Хоть ты сам вообще не вооружён был. Что-то не стал он тебя ремнём от брюк удушать. То есть, использовал максимум технического превосходства при минимуме джентльменского бла-

городства. Так что «око за око» в данном случае – это такое оружие выбрать, чтоб у него от удивления глаза квадратными стали и назад уже не вернулись! Пусть знают наших!

Переубедить помаленьку удалось, и теперь мы двигались над болотами, выбирая островок, на котором могли бы остановиться. Нашли, сели. Достали бластеры.

– В общем, так, – торжественно изрёк Пётр. – Держать надо так... Это боевое положение. Палец на этот выступ – к бою. Нажатие – выстрел. Если не отпускать – непрерывная очередь. Всё.

– Как – всё? А как наводить на цель? А чем стреляет?

– Наводить не нужно. Стреляет чем хочешь. Прицел – это твой взгляд. Вид заряда зависит от тебя: вообразишь, что в цель попала атомная бомба – будет ядерный взрыв; вообразишь, что стреляешь отравленными палочками африканского племени Юмба – они и полетят в цель. Но! – Он поднял указательный палец. – Если ты этих палочек в глаза не видел, а как они действуют – вообще не знаешь, то полетят в противника зубочистки из гостиницы «Астория»!

Почему именно из «Астории», я спрашивать не стал, но на палку в своих руках посмотрел уважительно.

Проблема была в другом: единственным, о чём я точно знал, как оно стреляет, был автомат Калашникова. На сборах стреляли. Ну, ещё из мелкашки... Из рогатки... Я напряг память. М-да... Вспомнилось, как в третьем классе плевали из трубочки комками промокашки... Я задумчиво посмотрел

на Петра.

– Эй! Ты чего?! – вокруг него заискрилось синеватое свечение. Я нажал на выступ. Комок промокашки упруго стукнулся о полупрозрачный барьер аккурат напротив его лица.

– Ты чего, сбрендил?! – Лицо инопланетянина было серьёзным. – Это что такое? Какая-то новая разработка? – он с опаской смотрел на комок промокашки у своих ног.

– Бесплезно это всё, Петя... Ты бы мне лучше АКМ дал. Больше я всё равно ничего не знаю... – довольно разочарованно протянул я. – А это – промокашка.

– С ядом? – не унимался он.

– Нет, Петя. Без яда. Со слюной. Ей даже таракана не убить.

– Ну, насчёт таракана я не знаю, – ответил он, – а вот существ Бю с Большого Регистратора эта штука штабелями уложит. А их, между прочим, даже нейтронной бомбой пытались! Не вышло. – Он ещё раз с уважением посмотрел на кусок промокашки. – Почему – не понимаю... Но спектральное сканирование обычно сбоев не даёт... – он задумчиво посмотрел на меня. – М-да... лучшие умы пяти миров над оружием работали, и все без пользы, а тут... Так, ладно, потом обмозгуем. Больно вредные твари эти Бю... А насчёт бластера ты не паникуй: я сейчас покажу тебе коё-чего, запомнишь – и всего делов!

И он показал... Глюонные шары, река протоплазмы, кварковые сферы, самовзрывающиеся болиды, что-то из арсена-

ла ниндзя – всех названий и не упомнишь.

Сперва у меня не получалось, а потом – ничего, втянулся. Лучше всего у меня получалась деструктуризация объекта. Это когда стреляешь – и его больше нет. Тихо так... Только хлопок – когда воздух образовавшийся вакуум заполняет. Посмотрел на кочку, нажал на спуск – кочка пропала. Всего делов.

В общем, домой вернулись довольные. Пётр всё про промокашку вспоминал: «Ну, блин! – повторял.– Да мы теперь этих Бю...! Ну всё! Ну ваще!»

Потом ещё слетали к тем беспризорникам, что раньше в ангаре жили. Они ни о чем спрашивать не стали. Начертили подробный план территории со всеми входами-выходами и даже с точным расположением канализационных люков и указанием, куда какой из них ведёт. Получили за план денег и довольные отправились восвояси. Причём довольство их, я подозреваю, в большей степени организовал Пётр со своими бицепсами и общим мрачным видом. Как я уже упоминал, у парней был большой зуб на бандюганов, выперших их из родного ангара. А вид Петра вселял смутную надежду, что мы туда не за грибами идем, на ночь глядя.

* * *

В общем, собрались. Оделись. Я долго искал свои самые «зоркие» очки: помня, как работает дубинка (это слово при-

клеилось у меня к бластеру с самого начала, да так и осталось), я трезво заключил, что с моей близорукостью главная проблема – разглядеть затаившегося врага.

Спустились вниз, забыв, что машина припаркована к балкону. Пришлось вернуться.

* * *

Мы приближались к ангару; настроение было – лучше некуда. Дождь кончился, солнце, правда, не грело, но, несмотря на поздний час, светило. Было время белых ночей. Я держал в руках футляр с «дубинкой» – после тренировки на Синявинских болотах это оружие вызывало у меня инстинктивное уважение. За рулём сидел Пётр. Водил он виртуозно, всюю пользуясь нематериальным режимом. Подрезал мосты, многоэтажки – то есть, попросту проникал сквозь них безо всяких последствий. Ради понта проехал насквозь (вдоль!) всю Петропавловскую крепость. Признаться, зрелище впечатлило: мелькают казематы, коридоры, какие-то залы... Я не спросил, можно ли снять это на плёнку, а жаль – фильм, несомненно, имел бы фантастический успех. Ну да ладно, летали мы круто!

* * *

Подлетели к ангару. Стоят. Два дурака у входа, два – у

выхода. Скукота! Облетели сверху. Ничего... Спикировали вниз – ничего.

– Фигня какая-то, – сказал Пётр. – Инсинуация. Они что, нас не ждут?

– Кого – нас? – отозвался я. – Ты помер, я – не я. Одни воспоминания...

– Ну, тогда вперёд!

Мы приземлились на земляном дворе. Вокруг – тишина... шастает пара дворняг, не уделяя нам, впрочем, никакого внимания. Встали. Стоим... Постояли... Что делать?

– Ну не иначе, как у них партсобрание! Сходняк называется, – попробовал пошутить Пётр.

Шутка не удалась. Мы прошли метров пять, как вдруг земля под ногами начала проваливаться... Даже не проваливаться, а плавиться, растекаться. Словно в болото попали. Ощущение не из приятных...

–Тонем! – Заорал я что было мочи.

– Включай защиту, – замогильно спокойным голосом ответил Пётр. Его тоже засасывало. Он зло сощурил глаза и свободной рукой откинул крыжку чехла бластера. – Ну, суки, откуда? – Зло и немного растерянно пробубнил он.

Увязая в хлюпающей жиже, я с трудом (инстинкт требовал грести, как-то выбираться, хотя понятно было, что надежды нет) нащупал деревянный футляр, с трудом раскрыл. Каждое движение отдаляло шанс спастись – меня засосало уже по грудь. Футляр, хлюпнув, утонул в жиже, сама дубин-

ка всё время выскальзывала, крутясь в руках. Жижя дошла до горла. «До чего неудобная штука!» – и тут я наконец нашупал впадину рядом с бугорком спуска бластера. Нашёл! Последний глоток воздуха я сделал уже сидя в синем искрящемся коконе. Воздуха, кажется, хватало. Болото приобрело какой-то жёлто-слизистый оттенок и стало почти прозрачным. Рядом я увидел синюю сферу с Петром внутри. Мысли разбегались. В голове набатом бил дикий страх. Я не воспринимал реальность как спасение. Это, скорее, было продолжением ужаса погружения, просто продлением процесса смерти.

– Ты меня слышишь? – раздался голос Петра.

Я посмотрел вверх. Вправо... Вниз... Кругом прозрачная жёлтая слизь. Попробовал что-нибудь сказать. «Раз-два-три», – из горла вырывались лишь странные всхлипы.

– Я слышу: ты сказал «раз-два-три», – он легко переместился внутри кокона, приняв вальяжную позу. – Чувак, соберись! Джимми Хендрикс с нами! – Оптимистически продекларировал он.

– Ты что покойников-то вспоминаешь? Мы что, уже на том свете? – отозвался я.

– Шутка! – Он расхохотался. – Подбодрить хотел!

Я потихоньку осваивался. Увидел лежащую невдалеке дубинку. Притянул к себе. Вздохнул с облегчением.

– Вот это правильно, – Пётр, словно зародыш, бодро поменял положение внутри сферы. – Бластер – вещь хорошая.

Синие сферы, внутри которых мы находились, медленно опускались вниз, движение ощутимо замедлялось. Моя панника потихоньку улеглась, и я ошарашено огляделся. Субстанция, в которой мы двигались, более всего напоминала яблочное желе, в первую очередь по причине сильной неоднородности. Желе меняло цвет от светло-янтарного до тёмного, почти коричневого оттенка. Преобладали, впрочем, светлые тона. Тонкие нити света пронизывали пространство сверху донизу – всё было наполнено пульсирующим искрящимся светом. Красота! Я бы ни за что не подумал, что она настолько опасна. Наше движение почти прекратилось.

– Ты как? – голос Петра звучал совсем рядом, хотя его сфера мерцала метрах в пяти от меня.

– Ничего, отошёл, вроде. Уж больно неожиданно вышло!

– Активатор сферы нужно уметь находить на ощупь за долю секунды. Я же тебе объяснял, – от этого зависит твоя жизнь!

– Ну да, объяснял, сегодня, часа три назад. С тех пор у меня было много времени для тренировок!

– Ладно, не бери в голову: если бы ты сам не сумел, я бы тебя в свою сферу забрал. Теперь не волнуйся, в коконе тебе никто не угрожает. Он не пропустит внутрь ничего потенциально для тебя опасного.

Я согласно кивнул, перевёл взгляд вниз и закричал истошным голосом. Прямо у моих ног из нижней части сферы вылезла рука. Она вылезла почти по локоть и продолжала

тянуть ко мне раскрытую ладонь. Скрюченные пальцы конвульсивно дёргались. Капли жёлтой жижи падали с них на дно сферы и собирались в тёмную лужу, по виду напоминающую кровь.

– Что случилось? – Голос Петра пробился сквозь мой крик, и я скорее почувствовал, чем увидел, как его сфера дёрнулась, приблизилась к моей, и между ними образовался овальный проём. В проёме появился Пётр с бластером наперевес. Он быстро оценил ситуацию, шагнул к руке и резко за неё потянул.

Сказать честно, поминая добрым словом все ужасики, которые пересмотрел за свою жизнь, я ожидал, что обрубок руки начнёт прыгать по всей сфере, пытаясь схватить нас и удушить.

Случилось другое: из пола показалась голова, плечи, а вскоре появилось и всё тело с руками и ногами, правда, обильно обмазанное жижей и неподвижное. С перепугу мне казалось, что вместе с жёлтым желе с тела сползает кожа, и уже готовы обнажиться жилы и мускулы. Я брезгливо отвернулся. За стенами пузыря всё так же струились вверх жизне-радостно сверкающие зайчики....

Когда я обернулся в надежде, что Пётр уже аннигилировал это кошмарное создание, я увидел картину, от которой кровь застыла у меня в жилах.

На полу лежали двое – это чудовище и Пётр. Пётр любовно обнимал тело и целовал его в губы. Чудовище конвульсив-

но подёргивалось, чуть ли не складываясь пополам от удовольствия, изо рта изрыгались потоки жёлтого желе.

«Заменяли! Петра заменили!» – Пронеслось у меня в голове. Эта кошмарная вакханалия стала последней каплей. В глазах у меня потемнело, и я беззвучно осел на пол.

IV. ПО МИРАМ

Очнулся я от боли в ушах. Открыл один глаз, закрыл. Боль переместилась в область висков, затем щёк. То, что я увидел до обморока, меня совсем не радовало. Но сил пугаться дальше уже не было.

– Вставай, ё-моё, еще тебя спасти мне только не хватало! – голос Петра не радовал. У меня перед глазами всё ещё стояла сцена его совокупления с получеловеком-полужижей. Вариантов, впрочем, не было. Я открыл глаза: Пётр склонился ко мне с доброй улыбкой. «Так, наверное, выглядит жизнь после смерти. Дальше будет туннель, в конце которого – свет...»

– Димыч, ну что тебя так пришибло-то? Подумаешь, рука из пола, делов-то, нам ещё и не такое предстоит!

Он, видимо, ободрил меня не только словами, бластер, наверное, тоже при деле был. Меня пронзило ощущение лёгкости, желание встать, прыгать, взять, в конце концов, пудовые гири и поднять их раз пятьдесят, а потом – ну надо же что-то делать! – нырнуть метров на тридцать, а потом с парашютом,

а если бы у меня права на управление самолётом были, так пренебреженно «мертвую петлю» раз десять!

Я открыл глаза уже конкретно. Холодно взглянул на человека, похожего на Петра.

– Ну? – Я старался быть предельно кратким.

– Что ну? Какие вопросы по существу? – Он тоже, похоже, торопился. Наши синие сферы по-прежнему продолжали двигаться вниз.

У меня явно прибавилось сил, и я спросил как можно более конкретно:

– Что происходит?

– Происходит следующее: техногенный слой Земли нарушен. Диаметр – два гектара – аккурат площадь промзоны, где расположен ангар. Пока ведём наблюдение. Активность биопластосферы непредсказуема. Рекомендовано – отсутствие действий. Наблюдение, сбор информации, анализ. Никаких провокаций, особенно на материальном плане.

– Я не о том: в этом смысле я и сам понимаю, что всё непросто. Ты зачем с трупом, – я покосился на тело, с которого всё ещё стекало желе, – сексом занимался? Ты что, некрофил?

– Не понял, – Пётр был серьёзен. – Ты что несёшь? Какой секс?

– Как какой?! Обнимал? В губы целовал? – У меня, в самом деле, появилась какое-то внутреннее безразличие к увиденному. Ходят nudists по пляжу голыми – ну и что? Это

только другим странно. А нудистам – естественно. Целуется инопланетянин с желеобразным трупом – подумаешь! Ему и девки наши нравились...

– Я же ему искусственное дыхание делал! Утонул человек. Я ему воздух в лёгкие вдувал! Ты хоть себе представляешь, как искусственное дыхание делают? Думаешь, соломинку в зад вставляют и меха баянные раздувают? У тебя с головой-то как?

Вопрос застал меня врасплох. Впрочем, как и ответ. Такая версия мне в голову не приходила.

– Пётр, да что же это за человек такой?.. В нём же метр росту... Он что, карлик? На нас наступает армия карликов?!!

– На нас наступает жопа с ручкой!! – Он, кажется, начинал терять терпение. – Да это же обыкновенный подросток! Лет четырнадцать-пятнадцать. Наша сфера тяжелей, поэтому погружалась быстрее – вот мы на него и наехали, так сказать. А поскольку вреда он для нас представляет ноль, то сфера его и впустила внутрь. Еле откачал... По сути, у него была клиническая смерть, так что одним дыханием ограничиться не удалось – пришлось пару раз электрошоком долбануть. Одного не пойму, – голос стал задумчиво-озабоченным, – откуда он тут взялся? Да ещё – вот загадка – ведь он был метра на три под землёй, когда она в желе превратилась. Что за мистика? Закопали его, что ли, живьём прямо перед нашим приходом, и он ещё задохнуться не успел? Жуть какая-то... – он перевел глаза на тело – оно валялось на полу в полном

отрубе. Но дышало вроде ровно – Ладно, давай нашу судьбу проясним, а потом уж за него возьмёмся.

Он притронулся к сфере – теперь, после слияния, она если и напоминала яйцо, то вытянутое по горизонтали.

Приостановив падение, сфера на секунду зависла и пошла вверх. Через некоторое время вверху забрезжил свет, а вскоре показалась поверхность. Сфера аккуратно, по чуть-чуть, приподнялась так, что над поверхностью показалась только самая верхняя её часть. Медленно стекла жёлтая жижа, и мы одновременно прильнули к синеватой границе сферы. То, что мы увидели, в буквальном смысле повергло нас в шок.

* * *

Мы были на дне огромного котлована. «Ну да, Пётр же говорил о нарушениях каких-то на территории промзоны», подумал я. Глубина была внушительной – эдак с двадцатиэтажный дом. Стены котлована неровные, слоистые. Видны были различия в залегании грунта. Вверху что-то чёрное – земля, потом что-то жидко-серое – видимо, плавун, оттуда периодически отваливались куски и, с жирным шмяканьем рушились в жёлтую жижу, разбрасывая брызги. Потом метра три почва была светлой – похоже на песок. Дальше шёл красно-бурый суглинок. Вверху, по периметру котлована, шёл забор – видимо, тот, что окружал промзону. По сути, по его внутренней границе и прошли все разрушения. Сюрреали-

стичность картины завершали куски ржавых труб, из которых хлестала вода, и обрывки электрокабелей. Некоторые из них искрились из-за попадающей на контакты воды. Были у поверхности и пара дыр посерьёзнее, видимо – канализационные стоки.

– Да, – мрачно изрек Петр. Картина Репина «Приплыли». Что внизу?

– Жижа уходит. – Я чувствовал себя виноватым после происшедшего. – Прости, Петь. Нервы сдали. Непривычно мне все это. Неожиданно получилось.

– Да ладно. Я сам супермен, пока тело новое. Нервы, как у младенца после успешно-показательных родов. А дальше – жизнь свои коррективы внесет. Ты же помнишь, как моя предыдущая их внесла. Если бы не ты, так и некуда вносить было бы теперь...

Тут в сфере зашевелилось что-то постороннее. Я уже устал вздрагивать и пугаться, поэтому просто посмотрел.

Парень сел на корточки. Он с неподдельным ужасом озирался по сторонам. «Ин... як... ал...» – то ли икал, то ли пытался что-то сказать. «Негуб!.. Негуб... ик... Нег!» – звуки напоминали Шарикова где-то уже ближе к игре на балайке.

– Что с ним? Если амнезия, то плохо: ничего не узнаем, – изрек я мрачно.

Видимо, серьезность тона подействовала на парня – он уже открыл рот, чтобы что-то сказать, как к нашей сфере

подплыла рыба размером с вертолет. Открыла пасть, метра четыре в размахе, и попробовала нас съесть.

Получилось. Мы провалились в длинный испещренный сиреневыми прожилками туннель – видимо, пищевод. Вокруг водоворотом кружились обломки крыши ангара, куски водопроводных труб. Об защитное поле звякнула чугунная крышка канализационного люка. Петр ткнул рукой в верхнюю часть нашей сферы, активировав защиту.

Грохнуло, посыпались синие искры чудовщного взрыва – рыбу разорвало пополам. С одной стороны сферы медленно погружалась в бездну удивленная морда, с другой ещё некоторое время виляла гигантским хвостом задняя часть рыбы...

Диалог был прерван. Мальчик снова впал в ступор.

– Слушай, нужно бы вниз нырнуть, на дно посмотреть. Что там-то творится? Ведь жижа куда-то уходит. – Попытался завести разговор я.

– Никуда она не уходит, – с досадой ответил Петр. – И дна у этого котлована нет. Я уже прозондировал. Тоже сначала вниз дернуться думал. Пока не понял...

– Что понял? – мысль о том, что мы висим в некой субстанции в бесконечность глубиной, мне очень не понравилась – Куда же она девается?

– Она перерождается, Дима. В инкарнационные миры. Существа, которые я телепортировал из тюрем, прошли через пространство не полностью. Я перемещал не все их вопло-

щения, только самые последние. Чтобы не париться – всё равно ведь назад вернуть собирался. Только не получилось, убили они меня. Сейчас же, в соответствии с законом сохранения кармы, воплощения начали собираться в единое целое. И для того, чтобы воссоединиться до конца, их тела во всех мирах приняли одинаковое состояние. Такое, в котором они изначально находились. Они превратились в материю, из которой возникли. Из которой *всё* возникло. В ней мы теперь и имеем счастье пребывать... «Желтая жижа» – как ты ее называешь – это первородная материя. Своего рода архетип. Из него состоят и формируются все проявленные миры.

– Какие миры? – в растерянности я зацепился за какую-то конкретную словесную непонятку, хотя общий смысл сказанного был во сто крат непонятнее и страшнее.

– Проявленные миры – это объекты и субъекты, в пределах которых дух проявился в материи. Они бывают разные – материальные – это где мы с тобой до того на Земле жили; визуальные – это когда их видишь и даже жить в них можешь а на самом деле их нет. И воображаемые – кажется через них нам и не посчастливилось теперь путешествовать... Сложная штука, вообще я сам не до конца разбираюсь, поговорим об этом потом, если захочешь, – у него явно созрел какой-то план действий.

– А почему ты говоришь, что дна у жижи нет?

– Объект внедрения, называемый тобой «жижа», представляет собой туннель площадью, как ты уже знаешь, два

гектара. А вот длина его – это диаметр Земного шара. То есть на зеркально противоположной точке Земли есть такая же аномальная зона. И между нашим местом и тем идет туннель. Он, Дима, весь заполнен этой субстанцией. Миров оказалось очень много. И один из них сейчас над нами. Нужно двигаться вверх, до самой поверхности, туда, откуда мы пришли: на Землю. Там осталась наша машина. Эта сфера, конечно, супер, – он снисходительно обвел взглядов капсулу в которой мы находились. – В плане последних достижений технодизайна. Но это всего лишь спасательная капсула – здесь даже табуретки нет... Да и в смысле безопасности наш земной автомобиль посерьезней будет.

– Так ты говоришь, тот мир уже другой. А машина-то? Все еще висит, где оставили?

– Висит, куда ей деться. Она вне мира и вне перемен. Она – архетип. Вроде бластера. Его не уничтожишь. Можно только потерять.

Мысленно я удивился, но виду не подал. В плане меркантильном это вполне устраивало – все-таки речь шла о моем автомобиле: раз его ни уничтожить, то и ржаветь не будет... Может, и бензин заливать не придется... Мысли были глупыми и мелкими, но это, говорят, в момент смертельной опасности обычное дело – думаешь о каких-то пустяках, но зато своих, родимых.

– Но сначала надо решить с этим, – он кивнул на парня. Тот уже снова сел, периодически вращая головой и зорко

всматриваясь в окружающее. Инцидент с рыбой произвел на него неизгладимое впечатление. При последних словах Петра он вздрогнул и настороженно посмотрел на нас. – Пока я не проясню один вопрос, взять его с собой мы не можем.

– Дяденьки, отпустите бедного сироту... Подайте, пожалуйста, доллар на пропитание, а лучше два, а то так есть хочется, что переночевать негде, – неожиданно запричитал ребенок, жалостливо склоняя голову к плечу.

– Беспризорник? – полувопросительно, полуутверждая сказал Петр, – причем, похоже из обдышанных, – уже тише прибавил он. И, внезапно повернувшись к парню, в упор спросил:

– Ты что там делал? Как под землей оказался? Кто тебя послал? Ты что, шпион?!!

Психологическая атака удалась.

– Никакой я не шпион! Меня пацаны послали наблюдать. Это же Вы у наших план ангара купили, мы в нем раньше жили, а потом нас эти отморозки выперли... Ну мы и решили: а вдруг после разборок это быдло уголовное ангар бросит? – А это ж наша территория – мы бы сразу назад ломанулись – в ангаре тепло и сухо, мы там лафово жили.

– Дальше! – Петр подозрительно прищурил глаза.

– Ну, что дальше – полез в канализацию, с третьего коллектора – там дерьма поменьше. Кухонная, в основном, бодяга течет. С мылом. Дезинфекция, типа. Опять же, крысы не любят.

– Ну! – Петр сузил и без того уже прищуренные глаза, и подросток перепугался еще больше.

– Ну и дошел уже до территории – хотел вверх ломануться уже, из люка выглянуть, чего там и как. А тут как началось – сперва сверху прямо – кисель этот долбаный, потом пол мягким стал. Я такого ужаса в жизни не видел... А-а-а-а – простите глупого бездомного, не убивайте сразу! – вдруг неожиданно заорал парень, жутко гримасничая.

Я посмотрел на него долгим взглядом – что-то мне это кликушество категорически не нравилось – парень сразу заткнулся.

– Теперь я понял, – после некоторого молчания прокомментировал Петр. Не стыковалось у меня, как он глубже нас оказался. Теперь понятно – канализация проходит где-то на метра три – пять под землей. Берем его в машину – там решим. Значит так – инициативы – ноль. Сидим в сфере, пока не найдем Машину. Дальше – стыкуемся и по одному внутрь.

– Тебя , кстати, как звать?– он подозрительно посмотрел на парня.

– Леха, я не...

– Молчать! – оборвал его Петр. – Вперед, с Богом!

Сфера вылезала из жижи, все убыстряя движение. По мере выхода на поверхность вид из сферы начал раздваиваться – если ниже поверхности бурлила золотистая жидкость, то над ней начинался уже какой-то другой мир. Прежний котлован исчез. Появились дворцы с колоннами, мощеные ули-

цы, и над всем этим – тропическое солнце. «Напоминает античный Рим» – пронеслась мысль. Если смотреть из верхней части сферы, она как бы вылезала из искристо-белого песка, который в этом мире был, кажется, везде. Наконец сфера полностью оказалась на поверхности, и ускорение увеличилось на порядок. Мы рванули в небо довольно резко. Прекрасные бухты. Море, уходящее вдаль – все стремительно удалялось – но я успел подробно осмотреть строения: они поражали геометрической упорядоченностью расположения и колоссальными размерами: минимум в десятки раз превосходившими земные. Почти все они вытянулись вдоль береговой линии. Небо было оранжево-желтым и очень ярким: солнце стояло в зените. Уже удалившись от земли на значительное расстояние, я заметил вдоль береговой линии какое-то движение – это были то ли огромные киты, то ли... Я присмотрелся и обомлел: в воде плескались гигантские человеческие фигуры! Стало понятно, почему я практически никого не увидел на берегу – видимо, население этого мира большее время жило в море, лишь изредка выходя на сушу. «Атланты! Древние люди, жившие на Земле миллионы лет назад!» – подумал я.

– Да, скорее всего, – согласился Петр, принимавший оформленные мыслеформы за сказанное вслух.

Подросток Леха сидел тихо, лишь время от времени крутя головой по сторонам и с опаской прислушиваясь к нашим репликам.

– Нужно пробиваться наверх. Похоже, здесь успело образоваться несколько миров – нам понадобится некоторое время: сфера, к сожалению, движется слишком медленно.

Мы почти уже приблизились к верхним слоям атмосферы. По мере подъема движение замедлилось. Вверху над нами стала появляться какая-то зеркальная пленка. Казалось, мы поднимаемся со дна моря к поверхности. Вот мы приблизились к границе вплотную, движение сферы почти приостановилось. Мы так же осторожно, как при выходе из желтой жижи, коснулись ее и часть сферы прошла насквозь.

Миры мелькали один за другим, я насчитал четырнадцать, потом сбился со счета и перестал. Хотя смены дня и ночи не было, по ощущениям прошло уже около недели. Есть и пить мы не хотели – сфера обеспечивала нас всем необходимым на молекулярном уровне. Петр сидел хмурый, от вопросов уклонялся. Все время что-то считал на бортовом компьютере и, судя по его все ухудшающемуся настроению, выходило что-то совсем нежизнерадостное. В ответ на мое ультимативное заявление, что я «запарился не понимать, что происходит», ответил, что сам пока мало что понимает. И как только что-то прояснится, сразу расскажет. Единственно, что пока ясно, – это то, что мы должны любыми путями добраться до машины. Но она в самом последнем мире – граничащем

с Земным. А между жижей и нашей реальностью все время нарождаются новые миры – собственно, в них и трансформируется сама жижя. Причём происходит это со скоростью, сравнимой со скоростью движения нашей сферы.

– В конце концов, чего ещё ожидать – эта спасательная капсула, для длительного движения вообще мало приспособлена. Но мы все же продвигаемся. По моим расчетам, пока мы проходим семь миров, нарождается еще шесть. Только бы не увеличилась скорость сублимации, – он нахмурился. – Если это случится, конец. Нам не выбраться.

– Так, может, пойти вправо или влево? У этой дыры площадь ведь была какая-то ограниченная – два гектара, что ли?

– Нет больше ограничения. И знаешь, я не хотел тебе говорить, но, кажется, то, через что мы сейчас движемся, – это живой организм. Причем очень молодой. В буквальном смысле, только что родившийся. Младенец, так сказать. Только не спрашивай, как это произошло, – сам пока понять не могу.

Поскольку именно это я и хотел спросить, а других вопросов у меня не было, то я молча стал рассматривать окружающее. Мы двигались в белесом тумане, из которого время от времени выплывали грандиозные скульптурные композиции – иногда с фрагментами фасадов и колоннад, подсвеченные сильными прожекторами. Сейчас мимо нас величественно проплывали четыре коня в натуральную величину, отлитые, вероятно, из бронзы. Вздывившись и оскалившись, они мча-

ли изукрашенный гербами лафет, в котором стоял какой-то тип, похожий на римского императора, с венком на голове. Внизу виднелась балюстрада дворца. На нем, видимо, и была установлена композиция. Не успели кони скрыться из виду, как из тумана показались новые фигуры.

Мы увидели средних размеров фонтан, в центре которого величественно возвышалась композиция из двух скульптур: одна изображала женщину с венком на голове и обнажённой грудью, обнимающую деревце размером с молодую березу; позади женщины невысокий мужчина в тоге с зорким воодушевлением вглядывался вдаль, приобнимая девушку за бедра. Девушка откинула голову назад и по-балетному подняла руки над головой. Постамент был украшен вензелями и полюбощенными женскими и мужскими фигурами.

Фонтан некоторое время плыл совсем рядом с нашей сферой, и я прочел надпись на табличке, водруженной у основания фонтана:

«Бог красоты Аполлон был влюблен в нимфу Дафну. Но только та не отвечала ему взаимностью. Мать земли, богиня Гея, желая помочь Дафне, превратила ее в лавровое дерево. И, услышав в дереве биение ее сердца, Аполлон в слезах произнес: «Лавр, с этого момента ты – священное дерево, и из твоих листьев будут делать короны, которыми станут венчать головы героев».

Одновременно с фонтаном выплыла еще одна монументальная композиция: у основания водопада по обеим его сто-

ронам высились скульптуры, изображающие русалок в человеческий рост. На самом же верху водопад венчал огромный полуголый мужик с вьющимися волосами и трезубцем в руке. У подножия статуи золотом было выведено: «POSEIDON». Я еще раз с уважением взглянул на мужика.

«Наверное, это «Творческий Мир» воображения какого-то скульптора-монументалиста. А может, и целой школы – уж больно глобально наворочено. Для одного многовато будет», – подумал я.

Далее мы прошли через несколько миров каких-то непростых личностей, причем преимущественно неземного происхождения: они были набиты щупальцами, кубами и призмами, крутящимися в каких-то водоворотах. Впрочем, возможно это был «Мир иллюзий» начинающего фантаста – но, скорее всего, нет. Миры иллюзий обычно логично построены и продуманы; в них сразу чувствовалось, что люди, их создавшие, просидели не одну пару штанов в стараниях, чтоб комар носа не подточил, стыкуя все увязочки и причинно-следственные связи. Таких миров мы уже видели штук семь.

Сильное впечатление, особенно при первом своём появлении, на меня произвел «Мир мертвых», или как его еще называют «Тот Свет».

Путешествие на «Тот Свет» началось неожиданно. Мы как раз выходили из маленького мирка под названием то ли «Мир животных» то ли «Мир бредовых идей тайного зоофила».

Такое пришло в голову по причине обилия картин спаривания разных видов животных, насекомых и даже рыб – несмотря на отсутствие у таковых в природе данного явления.

Сфера уже почти вылезала в какое-то пространство, заполненное слепящим светом, как вдруг все прекратилось. Не знаю как, конкретных ощущений, пожалуй, и не было, но я понял сразу – жизнь закончилась. Я видел, как мое обмякшее тело стало медленно сползать по стенке сферы на пол, и дальше я как бы уже смотрел на него сверху и немного сбоку. Поза была неестественной и я еще подумал: «как неудобно я лежу». Вокруг испуганно суетился Петр, но и он в какой то момент, словно споткнувшись на бегу, сначала упал на колени, а потом ткнулся лицом в пол рядом со мной. А Леха, кажется, вообще ничего не успел почувствовать – он и так лежал, у него просто закрылись глаза, черты лица расслабились и оно стало холодным и равнодушным. Мы умерли.

Капсула неумолимо продолжала свое движение вверх, через пространство «Того Света».

Рядом с собой я заметил два эфемерных силуэта, однако, имеющих вполне человеческие очертания – некое подобие

туловища, рук и головы. Мне пришла в голову мысль, что может быть это отделившиеся астральные облобочки Петра и Лехи. Мы находились несколько за пределами капсулы, но могли хорошо видеть свои мертвые тела через ее прозрачные стенки.

Была иллюзия совершенно полноценного существования, но без физического тела. Все мысли и чувства, вплоть до эмоциональных реакций, сохранились. Вокруг плавали какие-то неясные тени.

Некоторые из них пытались схватить меня, видимо, с целью остановить движение, или, зацепившись за меня двигаться вместе. Одному существу это даже на некоторое время удалось.

Совершенно голый, но с густым светлым волосяным покровом на руках, он выглядел индифферентно. Выражение лица было безразличным. По росту он напоминал то ли карлика, то ли ребенка лет двенадцати. Когда я пролетал мимо него, он схватил за плечо, и ловко работая маленькими руками, вскарабкался на спину. Обхватив меня за шею, а ногами за поясницу, он замер. Мое движение вверх сперва приостановилось, а затем и вовсе прекратилось.

Я не испытывал особого страха, но и не понимал, что предпринять. Было очевидно, что, пока это существо висит на мне, движение не возобновится. По всей видимости, туда, куда двигался я, ему путь был заказан. Я раздумывал.

Среда, в которой я находился, не казалась враждебной,

но здесь были свои правила игры, о которых существо было осведомлено лучше меня. Однако, пока я раздумывал, мы, кажется, начали двигаться вниз. Я почувствовал себя наживкой в огромном океане, мимо меня проплывали пучеглазые рыбы, я был им любопытен, и для кого-то из них, видимо, должен был стать едой. «Или уже стал? – пронзила меня мысль. – Что делает со мной это существо на спине? Ведь без него я двигался вверх. А сейчас я выполняю какую-то чужую волю и больше не свободен! То есть меня уже съели!» Эти мысли вывели меня из апатии, и я попробовал освободиться от незваного попутчика. Я нащупал у себя на шее его руку – она была упругой как резина, но теплой как настоящее тело. Я медленно попытался ослабить ее хватку – мне удалось оторвать от себя руку, но это ничего не изменило, существо по-прежнему крепко сидело на моей спине. Движение вниз стало ускоряться. Я начал нервничать. У меня возникло ощущение, что чем ниже мы опускаемся, тем меньше у меня шансов. Я рванул руку и одновременно изо всей силы локтями сильно ударил по телу. Кажется, существо не ожидало такого резкого маневра. Оно слетело с моей спины, однако продолжало цепляться, пытаясь снова подтянуться к моей шее. Завязалась настоящая борьба – я боролся со всем отчаянием, понимая, что если дам ему снова залезть на себя, шанса освободиться больше не будет.

Я совершенно не понимал, что происходит, и это усугубляло панику. Существо не проявляло вообще никаких эмо-

ций – оно просто тупо и настойчиво хватало меня за разные части тела, извивалось в моих руках, некоторые части его тела растягивались, оно, словно было сделано из какого то эластичного материала. Наконец я зажал его извивающееся тело в вытянутых руках и остановился в полном отчаянии, чувствуя, что сил удерживать его долго у меня не хватит. Движение вниз не прекращалось. Вспомнив уроки медитации, я, глядя на существо, вообразил, что оно исчезает, превращается в камень, сгорает. Наконец я начал молиться, прочитал «Богородица, Дева, радуйся...» – ничего не помогало. Вдруг я почувствовал, что кто-то еще лезет по моей спине, я сорвал его, и, держа в каждой руке по извивающемуся существу, начал громко звать на помощь. Я был на грани отчаяния – было очевидно, что справиться с ними мне не по силам.

Вдруг сверху стал спускаться еще один силуэт. Сначала я подумал, что это еще один мерзкий карлик, но через некоторое время увидел, что силуэт человеческий, и чем-то мне очень знакомый. И хотя я уже плохо помнил свое детство, я вдруг узнал в нем свою давно умершую бабушку – мать моей матери, с которой у меня были замечательные отношения и которая меня очень любила. Она приблизилась ко мне и протянула руки, какбы прося отдать ей тех, кого я держал. Взяла существ – оба как-то сразу присмирели и обмякли – и стала без тени улыбки с видимым интересом разглядывать их. Падение моего тела приостановилось и через некоторое время сменилось ускоряющимся движением вверх. Женский

силуэт еще некоторое время парил рядом со мной, а затем растаял. Какие-то мелкие тени мелькали все быстрее и быстрее, их попытки помешать моему движению становились все более вялыми и, в конце концов, прекратились. И в этот момент у меня над головой вспыхнуло золотое сияние – стало видно, что я двигаюсь по огромному туннелю, в конце которого – СВЕТ.

Из туннеля я попал на вокзал. Это был центральный вокзал Гамбурга – изящное громадное произведение металло-заклепочного искусства с огромными арками и анфиладами, все залитое ярким светом. На сводчатом козырьке светилась готическая надпись «HAUPTBAHNHOFF». По платформам и переходам, среди прибывающих и убывающих поездов сновали группы людей, кого-то встречающих и провожающих. Настроение здесь царило радостно приподнятое, в центре почти каждой группы фигур выделялся человек, которому все наперебой что-то объясняли, показывали какие-то предметы, возбужденно жестикулируя руками.

Я не знал, куда мне идти, но ноги сами понесли меня на третий уровень, к большому фонарю посреди нависающей над поездами балюстрады. Там, во время моих поездок в Гамбург, я обычно назначал встречу своим друзьям и знакомым. Каково же было мое изумление, когда в стоящих под

фонарем людям я признал многих из моих умерших родственников и некоторых друзей.

Я был совершенно сбит с толку. Все бросились ко мне и принялись наперебой объяснять: оказывается я попал во вторую зону «Того Света», мне колоссально повезло, потому что мне удалось быстро и без особых потерь преодолеть область низких вибраций, и теперь они хотят проводить меня туда, где мне «и надлежит быть дальше». Видя мое опасение при последних словах, меня успокоили, что «ничего плохого теперь уже не случится». Я просто отправлюсь туда, где при жизни в физическом теле была моя душа. Куда, они и сами не знают – это же моя душа – но я скоро все сам увижу, и мы еще встретимся, когда сюда попадет еще кто-то из «наших».

Признаться честно, их добрая суета меня сильно поддержала. Я, хотя и пребывал в некоторой прострации, все же перестал бояться происходящего, и когда транслятор объявил: «Дмитрий Анашкин, ваш поезд отправляется с 13 платформы через 10 минут», испытывал только легкое сожаление, что встреча с родственниками была так коротка.

Поезд ехал недолго, но все же достаточно, чтобы я смог вспомнить многое из своей предыдущей жизни. Естественно, более всего меня волновало, что ждет меня впереди. Я не то что бы переживал. Но узнать, где же была моя душа,

пока я жил на Земле, было невероятно любопытно. Ведь я прожил, образно говоря, не одну, а несколько Земных жизней. По образованию я был ученый физик; потом восемь лет я профессионально проработал музыкантом, играя на гитаре; затем я стал удачливым бизнесменом и, торгуя недвижимостью, заработал себе немаленькое состояние; после этого лет десять я был лидером и вдохновителем крупнейшей общественной организации... Параллельно я нарисовал одну картину и написал одну книгу.

Ну и где же все это время была моя душа?

Открылись двери, я вышел на платформу и настороженно огляделся. Ко мне приблизился смуглый молодой человек с двумя сережками в ухе. Вы Дмитрий? – вопрос был риторическим, так как кроме меня из поезда на этой остановке не вышел никто. – Я кивнул головой. «Меня просили встретить вас и отвезти домой», – приветливо сказал парень, и мы двинулись к машине. Это оказался лимузин, почему-то розового цвета. «Вот это да, – подумал я. – Всю жизнь на черных машинах проездил, а душа оказывается, розовых просила». – Я озадаченно почесал затылок и сел на переднее сиденье. Парень недоуменно посмотрел на меня, видимо, это было место для телохранителя, но я очень хотел поговорить и пересаживаться не стал.

А зря. Парень ничего не знал. В прежней жизни был слесарем вагоноремонтного завода, ездил на зеленом запорожце и жгуче завидовал водителям такси. Более ничего путного из разговора я почерпнуть не смог. Любая тема сворачивала на обсуждение марок автомобилей и кончалась несомненным выводом, что его розовый лимузин – самая крутая тачка на «Том Свете» – самая надежная, самая быстрая, самая длинная, и самая розовая.

Оставив его в покое, я стал смотреть по сторонам. Мы ехали по неширокой, спокойной улице, на которой стояли небольшие домики, утопающие в зелени. Дома сверкали застекленными верандами, каждый имел свой дворик с обязательным уютным гамаком и фонтанчиком (это, видимо, было здесь модно), цвета поражали своей сочностью, солнечностью и жизнерадостностью. Вскоре мое внимание привлекли стоящие вдоль дороги стенды, увешанные плакатами. Я разглядел один поподробнее:

«Концерт на Холме Возвращения. Артур Ли – лидер, вокалист, мультиинструменталист и автор песен легендарной лос-анджелесской [битая ссылка] психоделической группы «[битая ссылка] Love». «Первый чёрный [битая ссылка] хиппи!». Фуршет в честь прибытия! Умер [битая ссылка] 3 августа [битая ссылка] 2006 – первое выступление на «Том Свете»!

На плакате красовался независимого вида чернокожий паренек. Что-то было не похоже, чтобы он только что умер, успев, при этом уже стать знаменитым... «Ну да, – вспомнилось мне. – Они же говорили, здесь всем максимум по тридцать на вид... Да и сами они...»

Я вдруг понял, что меня смущало во время моего общения с родственниками: они ж были все молодыми!

Смешно, но из-за пережитого шока я не понял это сразу, только вот как-то узнавал их все время с некоторым трудом – и этот факт дошел до меня только сейчас. Я осторожно взглянул в зеркало: на вид мне было лет двадцать пять...

Подъехали к большому белому дому, утопающему в зелени.

Зашел внутрь. Кругом цветы, все залито солнцем. «Жалко, – с каким-то внезапным сожалением подумал я, вспомнив свой дом на Земле. – А моя Маруся дома, в питерской темноте три чахлах фикуса растит. Очень цветы любит. Вот бы порадовалась...» Я тут же сам испугался своих мыслей: «Господи, успеет еще, пусть и дальше растит, авось вырастет что-нибудь, рано ей помирать-то. Молодая совсем...»

Прошел в огромную гостиную. Посередине стоял белый рояль. «Зачем мне рояль? Я же на нем играть не умею...». Но тут же вспомнил, что когда-то страстно хотел научиться

играть. Только времени не было. «Ну, вот и научусь, – подумал я, подходя к инструменту. Поднял крышку. С уважением посмотрел на золотую надпись. Опустил. Сел на диван. На столике валялась газета, «Музыкальная афиша». Всмотрелся в анонсы. Глаза в буквальном смысле полезли из орбит, как у моей бывшей собаки Фимы, съевшей килограм сырого фарша. Самые стойкие из воспоминаний сидели в моей голове...

«Джон Леннон со своим Ледовым Шоу! Легендарный певец выступает за Мир на Том Свете! В знак протеста против помещения душ туда, куда они хотели быть помещенными, он стал фигуристом и собирается дать представление в Цирке Гномов! Концерт благотворительный! Все средства пойдут на организацию его следующего спиритического свидания с Йоко Оно!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.